

Л.П. Белковец

L.P. Belkowitz

НАРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1941–1945 ГГ.

Новосибирская область, включавшая в свой состав в 1941 г. также территории нынешних Кемеровской и Томской областей, приняла с 20 сентября по 20 ноября 1941 г. свыше 120 тыс. немцев, выселенных из Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья¹.

Около 45 % переселенцев составляли дети, 27 % – женщины, 22 % – мужчины, 5,8 % – старики. «Спецконтингент» был размещен в 45 районах области, по 1–2 эшелона (от 2200 до 5000 чел.) на район. Расселение производилось главным образом по колхозам и совхозам области, независимо от того, из какой местности, городской или сельской, происходили переселенцы (по 4–5 семей на село). Лишь незначительная часть их была размещена в советских учреждениях г. Томска².

Однако вскоре немцев ожидали мобилизации в трудармию, рабочие колонны при лагерях НКВД, на оборонные предприятия сибирских городов, лесоразработки, шахты Тулы и Кузбасса, строительство оборонных объектов и дорог, рыбные промыслы. Повторные переселения, обусловленные острой потребностью в рабочей силе, происходили в течение всей войны, и они коснулись не только немцев, но и других депортированных из европейской части СССР народов. Отдельную страницу истории российских немцев представляет повторная депортация их в 1942 г. на рыбные промыслы Нарымского округа.

6 января 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока», в соответствии с которым десятки тысяч

DIE GESCHICHTE DER WOLGADEUTSCHEN VON NARYM 1941–1945

Das Jahr 1941. In nur einem Monat vom 20. September bis 20. November wurden in der Region von Nowosibirsk, die sich damals auch auf das Territorium der heutigen Gebiete um Kemerowo und Tomsk erstreckte, 120.000 zwangsumgesiedelte Deutsche aus dem Wolgagebiet, Nordkaukasus und Transkaukasien aufgenommen¹.

Fast die Hälfte davon – 45% waren Kinder, 27% - Frauen, 22% - Männer und 5,8% - ältere Menschen. In 45 Kreisen des Gebiets wurde ein Teil dieses sog. „Sonderkontingents“ untergebracht – 1 bis 2 volle Züge pro Bezirk, das entsprach etwa 2.000 bis 5.000 Menschen. Die Neuankömmlinge wurden hauptsächlich in den ländlichen Regionen untergebracht, dabei nahm man keine Rücksicht darauf, ob die jeweiligen Familien aus einer Stadt kamen und früher nicht in der Landwirtschaft tätig waren. Es wurden höchstens 4 bis 5 deutsche Familien in einem Dorf untergebracht, und nur ein verschwindend geringer Teil der Umgesiedelten bekam seinen neuen Wohnsitz in der Gebietshauptstadt Tomsk².

Schon kurze Zeit später erwartete die Deutschen die Mobilisierung in die Arbeitsarmee³, in Zwangsarbeitslager des NKWD⁴, in die Betriebe der Kriegsindustrie Sibiriens, zu Holzfällarbeiten, zum Bergbau von Tula und Kusbass⁵, zum Bau kriegsrelevanter Objekte und zum Straßenbau und in Fischereibetriebe. Diese wiederholten Umsiedlungen auf Grund der fehlenden Arbeitskraft dauerten während des gesamten Krieges an und betrafen außer den Deutschen auch andere aus dem europäischen Teil der UdSSR deportierte Völker. Die Deportation zum Einsatz in den Fischereibetrieben stellt ein besonderes Kapitel in der Geschichte der Russlanddeutschen dar.

« От его малой родины ничего почти не осталось. Вместо домов – полуразрушенный фундамент, вместо улиц – пыль и бурьян, вместо счастливых безмятежных картин детства – отрывочные и обжигающие душу воспоминания.

Спустя почти семьдесят лет мой отец – Эрик Эдуардович Дорн – все-таки вернулся в родное село Вальтер, которое после войны стало именоваться Гречихино. О прежних временах здесь напоминала только каким-то чудом уцелевшая кирха. Поблекшие облупившиеся купола бесстрастно взирали в небо.

Он и не мог помнить родину: когда советских немцев вывезли отсюда, отцу было всего лишь три года. Позже родные рассказывали, что весть о выселении для них была, как гром среди ясного неба. Сентябрь для земледельцев – это то время, когда день год кормит. Еще не собрали весь урожай, не намолотили муки.

Накануне отъезда в страшной суматохе женщины старались напечь побольше хлеба в дорогу, а мужчины забивали свиней. Коровы, бычки, козы, куры – вся эта живность осталась на произвол судьбы. Во дворах страшно выли собаки. С собой много не возьмешь, но мама отца – Лидия Ивановна ни за что не захотела оставлять швейную машинку «Зингер». Позже эта машинка помогла им выжить на Севере: поскольку не было обуви, из старой одежды тетюшка шила толстые «бурки». Иногда принимала заказы, за которые платили едой. Но это было уже потом, когда их привезли в поселок Горки Ямало-Ненецкого автономного округа, где помимо коренных жите-

лей – хантов – жили, а точнее выживали, только всякие ссыльные.

До этого вся семья – мама Лидия, отец Эдуард и двое сыновей Эрик и Володя – целый год прожили в селе Паново, на постое у русской семьи. Потом отца забрали в трудармию, на лесозаготовки где-то под Омском, а мать с сыновьями посадили на теплоход, который плыл по Оби около десяти дней. Маленький Эрик убежал на палубу, ложился на живот и смотрел, как нос судна «разрезает» волны. Он мог так лежать долго, пока не поднималась суматоха из-за его исчезновения.

Когда они прибыли на место, их разместили в местном клубе. Сдвинули скамьи сиденьями вместе, спинками врозь, чтобы на них можно было лежать. Одно из самых ярких воспоминаний детства: женщины, а вместе с ними и мама, ушли на работу, а в клубе остались дети под приглядом пожилой немки. Неожиданно началась гроза. Гром гремел и молнии сверкали так, как будто наступил конец света. Испуганная ребятня забилась под скамейки, некоторые громко плакали. Конец света не наступил: просто это был конец их относительно спокойной и размеренной жизни. Им предстояло пережить самую страшную и суровую зиму в их жизни и не умереть от голода.

Валентина Дорн

Семья Дорн в Горках в конце 40-х годов
Лидия Ивановна и Эдуард Христианович Горн

немцев подлежали переселению в низовья рек Оби, Енисея, Лены и других, к местам добычи рыбы³. К концу 1942 г. 22 939 человек из Красноярского края и 15 043 человека из Омской области были переселены в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, 9080 человек – в Якутскую ССР. Из Новосибирской области распоряжением СНК СССР № 13227 от 20 июля 1942 г. в Нарымский округ были переселены 20 482 человека⁴.

По получении правительственного постановления на местах уже зимой 1942 г. развернулась подготовительная работа. Так, бюро Новосибирского ОК ВКП(б) и облисполком 3 февраля секретным постановлением обязали предприятия Новосибирского рыбтреста, получившего повышенное плановое задание – довести добычу рыбы в предстоящем году до 350 тыс. центнеров, сформировать 500 рыболовецких бригад в сельхозартелях, расположенных в радиусе 50 км от водоемов в среднем течении Оби, Томи и на озерах Барабы, а в Нарымском округе (районы Александровский, Каргасокский, Молчановский, Парабельский, Колпашевский, Кривошеинский и Чаинский) – и свыше 50 км. Каждая бригада включала в свой состав не менее восьми рыбаков и одного охотника «из физически здоровых колхозников и колхозниц» с обязательным присутствием среди них двух-трех комсомольцев, которые должны были «развернуть политико-массовую работу среди рыбацкой молодежи за образцовое выполнение и перевыполнение заданий по добыче и обработке»⁵. Кроме того, нарымским властям (окружному и ОкрИКу) было поручено организовать бригады сверх установленного плана из проживающих в сельской местности и райцентрах работников потребсоюзов, торгов, столовых, подсобных хозяйств, предприятий местной промышленности, которые могли использоваться для ловли рыбы в водоемах, не закрепленных за предприятиями рыбтреста.

Постановлением предполагалась также организация краткосрочных курсов бригаиров рыболовецких бригад и «массовых

Am 6. Januar 1942 verabschiedeten der Rat der Volkskommissare der UdSSR und das Zentralkomitee der WKP(B)⁶ den Beschluss „Über die Weiterentwicklung des Fischfangs in den Einzugsgebieten der Flüsse Sibiriens und des Fernen Ostens“. Dieser Beschluss verpflichtete zigitau-send Deutsche zu einem Wohnortwechsel an die Mündungsgebiete der Flüsse Ob, Jenissei, Lena u.a.³. So wurden zum Ende des Jahres 1942 22.939 Menschen aus der Region um Krasnojarsk und 15.043 aus dem Omsker Gebiet in Chanty-Mansijskij und der Jamalo-Nenenzkij Bezirke sowie in die Jakutische SSR (9.080 Menschen) zwangsumgesiedelt. Aus dem Nowosibirsker Gebiet wurden kraft der Anordnung des Rates der Volkskommissare Nr. 13227 vom 20. Juli 1942 20.482 Deutsche in den Narymskij Bezirk deportiert.⁴

Entsprechende Regierungsanweisungen gaben den Startschuss für die Vorbereitungsarbeiten an den Einsatzorten bereits im Winter 1942. In einer geheimen Sitzung am 3. Februar verfassten das Nowosibirsker Bezirkskomitee der WKP(B) und das Gebietsvollzugskomitee einen Beschluss über die Hauptzielsetzungen zum Zwecke der Weiterentwicklung des Fischfanges. Dem regionalen Fischereibetriebsverband wurde somit eine erhöhte Plannorm auferlegt, im laufenden Jahr den Ertrag aus dem Fischfang auf 350.000 Zentner zu steigern. Darüber hinaus musste der Verband in einem Radius von 50 km um die Mittelläufe der Flüsse Ob' und Tom und in einem noch größeren Radius um den Narymskij Bezirk (im Einzelnen in den Kreisen Aleksandrowskij, Kargasokskij, Moltschanowskij, Parabel'skij, Kolpaschewskij, Kriwoscheinskij und Tschainskij) sowie nahe der Seen von Baraba 500 neue Arbeitsbrigaden von Fischern innerhalb landwirtschaftlicher Genossenschaften zu bilden. Jede dieser Arbeitsbrigaden hatte aus mindestens acht Fischern und einem Jäger, „ausgewählt aus den Genossenschaftsmitgliedern von guter körperlicher Fitness“, zu bestehen. Zwei bis drei Mitglieder jeder Brigade mussten Komsomolzen sein, „deren Aufgabe hauptsächlich in politisch-propagandistischer Motivationsarbeit zum Zwecke einer vorbildlichen Normerfüllung gar einer Normüberbietung beim Fischfang und bei der Fischverarbeitung“⁵ bestand. Zusätzlich wurden das Be-

Из клуба нужно было куда-то расселяться, и женщины на склоне холма начали рыть землянки. В наспех обустроенной «норе» жили по пять–шесть человек, спали на чем придется.

Немецкие семьи привезли сюда на рыбный промысел. Женщины сами гребли, вытаскивали сети. После двух лет работы на весах заболела ревматизмом тетка, слегла, а вскоре и умерла. Матери повезло больше: ее поставили поваром в детский сад. Но вечером она вместе с другими шла грузить рыбу. Один раз по шатким мосткам она не удержала тачку, которая резко потянула ее в сторону, и упала прямо в холодную воду. Будучи в теплой одежде, мать все-таки сумела доплыть до берега. Вернулась домой мокрая, озябшая. «Ничего страшного», – успокаивала она мальчишек, едва шевеля посиневшими губами.

Рыбы ловили и грузили много, но ее под страхом смерти брать было нельзя. Только иногда тайком рыбу приносили русские ссыльные, да из столовой матери разрешали взять рыбки головы и кости, из которых она варила холодец. Иногда кто-нибудь полулегально приносил из зверосовхоза замерзшие тушки лис. Вообще-то в лучшие времена лис не ели, от них брали только мех. Теперь и они считались делика-

тесом. Если уж совсем ничего не было, ели картофельные очистки. Особенно тяжело пришлось, когда мать потеряла продуктовые карточки, которые выдавали переселенцам. Это мучительное чувство голода, которое не покидает даже во сне. Лучше не думать о еде, но в воображении рисуется тарелка с галушками, ломоть ароматного хлеба с вареньем...

В Горки с большой земли пароход с провизией прибывал только один раз в год повесне. Это был настоящий праздник: взрослые и дети таскали мешки и коробки. Иногда, уже после войны, в коробках оказывались помидоры и огурцы. После распределения витаминное лакомство съедалось очень быстро. Самая распространенная болезнь, от которой страдали все переселенцы, – цинга. Многие умирали, не выдержав столь суровых испытаний голодом и холодом. В этом отношении детям было проще. Их запаса жизненной энергии и устремленности в будущее вполне хватало для того чтобы не падать духом. В Горках семья прожила до 1956 года. К тому времени они уже построили свой дом, о котором стали задумываться, когда приехал отец...

Валентина Дорн

квалификаций по лову и обработке рыбы», для чего подлежали перепрофилированию три школы ФЗО и два ремесленных училища, получившие задание подготовить в 1942 г. 1000 квалифицированных рабочих рыбной промышленности. Особое внимание было уделено мероприятиям организационного характера. Создавались два союзных рыбных треста: в Колпашево (с программой рыбодобычи в 25 тыс. тонн) и в Барабинске (с планом в 10 тыс. тонн), а также управление рыбной промышленности при облисполкоме, отдел и должность секретаря по рыбной промышленности в Нарымском окружкоме и парторги ОК ВКП(б) при пяти моторо-рыболовных станциях⁶.

Все заинтересованные областные и окружные организации получили этим постановлением конкретные задания по подготовке жилья для рыбаков, рыболовецких снастей и плавсредств, развертыванию торговли «товарами повседневного спроса», в том числе теплой одеждой и обувью (фуфайки, ватные брюки, полушубки, валенки и т. п.). Переселенцы могли получать для индивидуального жилищного строительства и приобретения домашнего скота долгосрочный кредит (до 10 тыс. руб. на семью).

Главную рабочую силу, на которую возлагалось поначалу выполнение столь грандиозного плана, должны были составить трудпоселенцы (бывшие кулаки). На 1 июня 1941 г. в Новосибирской области их числилось 170 862 человека (46 962 семьи). В Нарымском округе они составляли 75 % всего населения, а в некоторых районах – Бакчарском, Чаинском, Каргасокском и Пудинском – от 80 до 96 % жителей⁷. На рыбные промыслы намечено было отправить и ссыльнопоселенцев, сосланных в 1941 г. из Прибалтийских республик и западных областей Украины и Белоруссии⁸ в различные места, в том числе в города Кузбасса. Кроме того, подлежали переселению в северные районы области работники стройконтор Кузбассшахтстроя, из-за своей национальной принадлежности лишившиеся с началом войны права прожива-

zirkskomitee und das Bezirksvollzugskomitee von Narym mit der Aufgabe betraut, weitere Arbeitsbrigaden aus den in ländlichen Gegenden und in Bezirkszentren lebenden Arbeitern der Konsumverbände, Handelsleuten, Kantinenmitarbeitern, Landwirte und Arbeitern der regionalen Industrie zu bilden und bei dem Fischfang in den nicht von dem Fischereibetriebsverband abgedeckten Gewässern einzusetzen.

Der selbe geheime Beschluss vom 3. Februar schrieb darüber hinaus vor, durch Schnellkurse Brigadenleiter auszubilden und „bei den Massen eine ausreichende Qualifikation im Fischen und in der Fischverarbeitung zu erreichen“. Um eine solche Schnellausbildung gewährleisten zu können, sollten 3 Schuleinrichtungen für Fabrik- und Werksarbeiter und 2 Lehranstalten für Handwerk umstrukturiert werden und im Laufe des Jahres 1942 1.000 qualifizierte Arbeiter der Fischindustrie ausbilden. Besonderes Augenmerk wurde auf den Ausbau der Verwaltungsstrukturen gerichtet. Es entstanden 2 zusätzliche Fischereibetriebsverbände in Kolpaschewo und in Barabinsk mit der Aufgabe jeweils 25.000 und 10.000 Tonnen Ertrag zu realisieren. Des Weiteren wurden eine Verwaltungsbehörde der Fischindustrie beim Gebietsvollzugskomitee eingerichtet, eine Abteilung für Fischindustrie innerhalb des Zentralkomitees von Narym gebildet und die dazugehörige Sekretärstelle ausgeschrieben und besetzt, sowie mehrere Stellen für Parteiaufsichtsbeauftragte des Zentralkomitees der WKP(B) an 5 Standorten für motorisierten Fischfang geschaffen.⁶

Der genannte Beschluss sah Zielsetzungen und Aufgaben für alle unter seinen Geltungsbereich fallenden Gebiete und Kreise vor. In allererster Linie ging es dabei um Vermittlung von Unterkünften für Fischer, um die Schaffung von Unterstellmöglichkeiten für Angelgerät, Boote und andere Fischereiausrüstung und um den Aufbau zusätzlicher Handelsstrukturen für Waren des täglichen Bedarfs, darunter auch warme Bekleidung, Schuhe, Fufajka, Wattehosen, kurze Pelze, Filzstiefel usw. Für den Hausbau und Kauf von Nutztieren wurden langfristige Kredite bis 10.000 Rubel pro Familie gewährt.

Michail Distergeft.
Requiem.
Silberstift auf Papier.
38x46,5.

Von 1932 bis 1944 war die Stadt Kolpaschewo Verwaltungszentrum des Kreises Narym (Narymski okrug), in dem sich eine Reihe von Gulag-Lagern befand. In Kolpaschewo sowie in Barabinsk entstanden zwei zusätzliche Fischereibetriebsverbände mit der Aufgabe jeweils 25.000 und 10.000 Tonnen Ertrag zu realisieren. Allein im Landkreis Kolpaschewo wurden ca. 3000 Wolgadeutschen angesiedelt.

« Schuldlos schuld

Nichts Böses hatten wir verschuldet
und doch so manches Leid erduldet.
Wir mußten unser Deutsch vermeiden,
um keine Willkür zu erleiden.
Auch unsre unschuldigen Kinder
ließ fühlen man den Haß nicht minder.
Wie oft, sobald die Schulde aus,
kam schluchzend unser Sohn nach Haus.
„Oh, Mutti, was hab ich gemacht?
Ich wird verhöhnt, ich wird verlacht.
Die Schüler hänseln mich: Faschist,
die Lehrer wehren ihnen nicht,
ich will nicht mehr zur Schule gehn,
um nicht das Hackenkreuz zu sehn,
das man mir malt mit weißer Kreide
auf meinen Ranzen, meine Kleider!“
Ich tröstete mein weinend Kind:
„Nicht alle Menschen böse sind.
Oh, glaub es mir, es kommt die Zeit,
wo uns das Leben wieder freut.
Hab nur ein wenig noch Geduld,
dann wäscht man ab von uns die Schuld,
die man uns in die Schule schiebt,
weil es noch böse Leute gibt.“

Frieda Kirsch

ния в данных городах, в частности немцы, например, 640 человек трудоспособных немцев из Прокопьевска, живших в нем еще со времени раскулачивания в начале 1930-х гг. В апреле-мае 1942 г. из городов Кузбасса были отправлены в Нарымский округ немцы, а также ссыльные латыши, эстонцы и молдаване, общей численностью 3111 человек, кроме занятых на подземных работах в шахтах и на погрузочных операциях по углю⁹.

Переброска этого контингента и стала единственным выполненным к середине 1942 г. мероприятием намеченного плана. Но это была лишь часть требуемой рабочей силы. Поскольку все остальные пункты по организации работ не были выполнены, оказался провален план добычи рыбы за первое полугодие.

План добычи рыбы за первое полугодие 1942 г. был провален. Было принято решение отправить на рыбные промыслы немцев.

К тому же реальной стала угроза срыва плана второго полугодия. Такие неутешительные итоги подвело 1 июля бюро ОК ВКП(б), принявшее новое постановление «О дополнительных мерах по обеспечению рабочей силой

рыбных промыслов Нарымского округа». Главным его пунктом стало решение о переселении в округ расселенных в районах области в 1941 г. немцев Поволжья. Выполнение задачи возлагалось на отдел трудпоселений Управления НКВД и Переселенческий отдел ОИКа. Для руководства операцией создавалась тройка в составе заместителя председателя ОИКа Беляева, заместителя начальника УНКВД Шехмана и начальника отдела трудпоселений Бурлака. В районах выселения отбор семей и доставку их в Новосибирск поручалось возглавить районной тройке в составе председателя РИКа, начальника РО НКВД и секретаря РК ВКП(б). Все расходы, связанные с переселением, брал на себя

Die Masse der Arbeitskräfte, der die Erfüllung des Arbeitsplans auferlegt wurde, bildeten Zwangsarbeiter – ehemalige Kulaken¹³. Nach dem Stand vom 1. Juni 1941 lebten im Nowosibirsker Gebiet 46.962 Zwangsarbeiterfamilien mit insgesamt 170.862 Mitgliedern. Im Narymskij Bezirk machten sie 75% und in den Kreisen Baktcharskij, Tschainskij, Kargasokskij und Pudinskij sogar zwischen 80 und 96% der Bevölkerung aus⁷. Zudem war angedacht, die bereits 1941 aus den Baltischen Republiken und aus den westlichen Regionen der Ukraine und Weißrusslands⁸ in verschiedene Regionen des Landes darunter auch in die Städte von Kusbass Deportierten, ein weiteres Mal umzusiedeln und beim Fischfang einzusetzen. Darüber hinaus waren die Arbeiter der Baubehörden des Bergbaus von Kusbass in die nördlichen Regionen des Gebietes überzusiedeln, da ihnen zu Beginn des Krieges das Wohnrecht in den Städten von Kusbass auf Grund ihrer Nationalität aberkannt wurde. Darunter befanden sich auch einige Deutsche wie zum Beispiel 640 arbeitsfähige deutschstämmige Einwohner von Prokopjewsk, die dort seit der Entkulakisierung⁹ der 30-er Jahre lebten. Insgesamt wurden von April bis Mai 1942 3.111 Menschen aus den Städten von Kusbass in den Narymskij Bezirk ausgewiesen. Darunter waren Deutsche, Letten, Esten und Moldauer. Von ihnen blieben lediglich die Arbeiter der unterirdischen Kohlegruben und die an den Kohleladeplätzen Tätigen von einer erneuten Zwangsumsiedlung verschont¹⁰.

Diese Zwangsumsiedlungen waren die einzigen Maßnahmen zur Planerfüllung, die bis zur Mitte des Jahres 1942 abgeschlossen wurden. Da viele Punkte des Plans zu dem Zeitpunkt nicht bewältigt werden konnten, und die Arbeitskräfte nicht ausreichten, konnte das vorgenommene Ertragsvolumen aus dem Fischfang in der ersten Jahreshälfte nicht erreicht werden. Durch diese Umstände sah das Zentralkomitee der WKP(B) auch die Planerfüllung für die zweite Jahreshälfte bedroht. Diesen ernüchternden Erkenntnissen begegnete das Komitee mit dem am 1. Juli verabschiedeten Beschluss „Über die Zusatzmaßnahmen zur Versorgung der Fischereibetriebe vom Narymskij Bezirk mit Arbeitskräften“. Seine Grundidee bestand darin, auf die 1941 ins Nowo-

Андрей Крамер

« Я, Крамер Андрей Андреевич, родился в 1937 году в поселке Альт-Варенбург Кукуйского района Саратовской области. Я помню, что в 1941 году нас посадили на пароход в Новосибирске. Находились мы в забитом народом трюме. Сидели одни старики, старушки, женщины и дети, остальные стояли. Чем кормили, я, конечно, не помню. Под охраной комендатуры везли нас всех в Александровский район Томской области. Людей снимали с парохода почти на каждой пристани Александровского района. Наша партия была последней. Ее выгрузили на пристани в Колтогорске. Это было в начале октября 1941 года. Это был последний пароход. На следующий день на лодках (неводниках) развозили людей по ближайшим поселкам. Наша семья – мама Анна Генриховна, ее мама Адольф Мария Яковлевна, я и моя сестра Эльвира Генриховна 1941 г.р., много наших родственников, все из села Альт-Варенбург – попала в деревню Волково Александровского района. По приезду начали

рыть ямы под землянки. Они были разного размера. Конечно, там кроватей не было, а были постелены полаты (верстаки), на которых размещались все, кто попал в землянку. Привезли сено, постелили на полаты и закрыли сетями. На это и ложились. Дополнительно стелили кто что с собой привез. Так началась умеренная спецпоселенческая жизнь. Молодых женщин, ребят 14–15 лет отправили на лесозаготовки государственной важности, а дети оставались с бабушками, у кого они были. Иногда наши бабушки сидели с чужими детьми, мамы которых отправились в тайгу на заготовку леса. Конечно, везде была охрана. Каково было нам, подросткам, которым нельзя было ни в лес сходить по ягоды, ни на речку рыбу половить. Постоянно оскорбляли, называли фашистами. Воспоминания об этих унижениях сохранилась на всю жизнь. В те времена мы могли только верить, что кончится война, приедут домой наши отцы, вернутся матери из тайги...

Из воспоминаний Андрея Крамера. Сегодня Андрей Андреевич проживает в селе Александровском Томской области, является председателем центра встреч российских немцев.

Главрыбпром, а поставку вагонов и плавсредств – Томская ж.д. и управление Речпароходства. Переселение предполагалось завершить к 25 июля¹⁰.

Районные власти обязывались отбирать для переселения небольшие семьи с малым количеством детей и наличием трудоспособных взрослых, «имея в виду, что трудоспособные немедленно должны были приступить к работе на рыбных промыслах». В первую очередь предполагалось пересмотреть списки осевших в районных центрах и рабочих поселках, не затрагивая колхозы. Переселению не подлежали также представители дефицитных профессий, комбайнеры, трактористы, слесари, кузнецы, токари и их семьи.

Если учесть, что к этому времени значительная часть мужчин была мобилизована в рабочие колонны при лагерях НКВД, можно утверждать, что основной контингент нарымчан составили женщины и дети.

Переселяемым семьям разрешалось взять с собой личное имущество и денежный расчет по заработанным в колхозах на момент выезда трудодням в соответствии с их плановой стоимостью. Скот, если им удалось обзавестись, вновь подлежал сдаче в отделение Заготскота в обмен на квитанции, по которым предполагалось его возмещение на новом месте жительства.

Помимо 12 районов области (Приложение 3), которые должны были поставить переселенцев, постановление содержало соответствующее указание начальнику УНКВД Малинину об изъятии немцев из городов «по политическим мотивам» и об отправке их в Нарым. Областные организации и РИКи должны были мобилизовать необходимое количество транспорта для подвозки переселяемых к станциям железной дороги и к пристаням, обеспечить их хлебом на время пути из расчета 400 граммов на человека в сутки и медицинским обслуживанием, а нарымские власти — подготовиться к приему, расселению и трудоустройству переселенцев. Каждый район обя-

sibirsker Gebiet deportierten Wolga-Deutschen¹¹ zurückzugreifen. Die Organisation des Vorhabens oblag der Abteilung „für besondere Arbeitersiedlungen“ der Verwaltung des NKWD und der Abteilung „für Übersiedlungsangelegenheiten“ des Kreisvollzugskomitees. Die Leitung der Organisation übernahm eine sog. Trojka¹², die der stellvertretende Vorsitzende des Bezirksvollzugskomitees Beljaew, der stellvertretende Vorsitzende der Verwaltung des NKWD Schechman und der Leiter der Abteilung „für besondere Arbeitersiedlungen“ Burlak bildeten. Eine weitere Trojka gebildet von dem Vorsitzenden des Kreisvollzugskomitees, dem Vorsitzenden der Kreisdirektion des NKWD und dem Sekretär des Kreiskomitees der WKP(B) sollte das Auswahlverfahren der Arbeiterfamilien und ihren Transport nach Nowosibirsk übernehmen. Die Kosten der Versorgung und Verpflegung der Umsiedler während der Reise übernahm die Hauptverwaltung der Fischindustrie. Züge und Schiffe stellten die Tomsker Eisenbahnbehörde und die Verwaltung der Flussschiffahrtsbehörde bereit. Bis zum 25. Juli sollte die Umsiedlung vollständig abgeschlossen werden¹³.

Für ihre Vorhaben wählten die Kreisbehörden hauptsächlich kleinere Familien mit wenig Kindern, aber dafür mehreren leistungsfähigen Erwachsenen, „um sofortige Arbeitsaufnahme in den Fischereien zu gewährleisten“. Man beabsichtigte, hauptsächlich die Arbeitskraftressourcen aus den Kreisstädten und Arbeitersiedlungen zu mobilisieren, damit Kolchosen¹⁴ auf möglichst wenige der dringend benötigten Arbeiter verzichten müssten. Angehörige gefragter Berufe wie Mähdscherfahrer, Traktorfahrer, Schlosser, Schmiede, Dreher und ihre Familien fielen nicht unter diese Mobilisierungsmaßnahme.

Zum Zeitpunkt der Umsiedlungen waren die meisten Männer aus den deutschen Familien bereits in die Zwangsarbeitslager des NKWD mobilisiert. Daher bestand die Bevölkerung des Narymskij Bezirks zum größten Teil aus Frauen und Kindern.

Mitnehmen durften die ausgewählten Familien lediglich einige persönliche Gegenstände und das Geld für die aufgelaufenen Arbeitseinheiten bei ihrer Tätigkeit in den Kolchosen entsprechend dem gelten-

Фото из личного архива А.А. Крамера: опытное поле, с. Александровское, 1950 г. Семья Крамер, украинцы – семьи Дубницких, Тереганюк, эстонцы, латыши. Все они находятся под комендатурой

« Люди старались выживать. Наши бабушки верили в Бога и молились. По вечерам они пели немецкие песни о том, как переселили людей в необжитые места, в глубинку. Они так задушевно пели и плакали, что и мы, ребятня, не выдерживали и тоже плакали навзрыд со взрослыми, забывая на короткое время про голод, холод, унижения и оскорбления, которые пришлось испытать немецкому народу. Но немцы работали, не жаловались, да и жаловаться-то некому было. Нужно помогать стране выполнять все поставленные задачи. »

Андрей Андреевич Крамер, родился 8 июля 1937 года в поселке Аль-Варенбург Саратовской области. Депортирован в Александровский район Томской области

зывался выделить из состава райпартактива политруков (по одному на 100 немцев), которые должны были сопровождать их до места вселения.

«Пунктом концентрации переотправки» поселенцев в Нарым был определен город Новосибирск, а в помощь районам выселения назначены 12 уполномоченных из аппарата ОИКа, Главрыбы и других областных организаций. В помощь районам вселения из Нарымского окружкома и окрисполкома также выделялись специальные уполномоченные, которые должны были провести «обследование местности по размещению переселенцев». 2 июля присутствовавшие на заседании бюро обкома и организованной тройки председатель Нарымского ОИКа Крылов и управляющий Новосибирским госрыбтрестом Котельников представили чрезвычайной тройке план распределения переселяемых немцев по семи районам округа: Александровскому (3000), Каргасокскому (2500), Парабельскому (2000), Колпашевскому (3000), Молчановскому (2000), Кривошеинскому (2000) и Чаинскому (500). Были определены и конкретные пункты вселения – всего 33 (Приложение 4).

Согласно графику отправки эшелонов из районов выселения, операция по доставке переселенцев в Новосибирск должна была начаться 21 июля со станции Тогучин и завершиться 11 августа последним эшелоном со станции Ижморка. Однако процесс подготовки операции заставил внести в четко разработанные планы некоторые коррективы. Это касалось графика отправки эшелонов, начало которой пришлось сместить на конец июля, перемены мест вселения, а главное, определения численного состава переселенцев.

В ходе проверки списков на местах комиссии пришлось исключить из него людей по причине болезни, беременности и брака немков с русскими. Но исключенные из списка заменялись другими семьями. В среднем почти треть всех переселяемых были дети¹¹.

den Vergütungsplan (als eine Arbeitseinheit sog. „Trudoden“ wurde ein voller Arbeitstag angesehen). Das Klein- und Rindvieh musste wie bei der ersten Deportation im Tausch gegen Bescheinigungen den staatlichen Schlachtereien überlassen werden. An ihrem neuen Wohnort hofften die Besitzer, den Wert des Viehs ersetzt zu bekommen.

Neben der Auflistung der 12 Kreise des Gebiets (Anlage 1), aus denen die benötigten Arbeitskräfte bezogen werden sollten, enthielt der Beschluss vom 1. Juli noch weitere Punkte. Die Umsiedlung der Deutschen aus den Städten in den Narymskij Bezirk unter der Leitung des Vorsitzenden der Verwaltung des NKWD Malinin war als „politisch bedingt“ zu begründen. Die Gebietsbehörden und die Kreisvollzugskomitees wurden beauftragt, Fahrzeuge zur Beförderung der Arbeiterfamilien zu den Zugbahnhöfen und an die Anlegestellen zur Verfügung zu stellen, die Reisenden für die Dauer der Überbringung mit Brot - 400 g pro Tag und Person – zu versorgen, sowie medizinische Versorgung während der Reise zu ermöglichen. Die Behörden des Narymskij Bezirks dagegen verantworteten die Organisation der Aufnahme der Neuankömmlinge, ihre Unterbringung am neuen Wohnort und schnelle Arbeitsaufnahme durch die arbeitsfähigen Personen unter ihnen. Während des gesamten Übersiedlungsaktes wurden die deutschen Familien durch die von den Kreisbehörden aus den Kreisen der Parteiaktivisten gestellten politischen Leiter überwacht. Jedem der politischen Leiter wurden 100 Deutsche zur Aufsicht zugewiesen.

Nowosibirsk wurde zum „Hauptverteilungspunkt“ des Bezirks: dort wurden die Umgesiedelten aus 12 verschiedenen Kreisen „gesammelt“ und an die jeweiligen Bestimmungsorte weitergeleitet. Bei den Aussiedlungen waren 12 Beauftragte des Gebietsvollzugskomitees, der Verwaltungsbehörden der Fischindustrie und anderer Gebietsbehörden in allen 12 Kreisen vor Ort behilflich. An den endgültigen Unterbringungsorten gab es ebenso Unterstützung durch Sonderbeauftragte des Narymskij Bezirkskomitees und des Bezirksvollzugskomitees. Die Beauftragten wurden mit der „Untersuchung der Region auf ihre Aufnahmekapazitäten hin unter dem Aspekt eines Bevölkerungszuwachses“ betraut. In

Клара Райсвих

« Моя прабабушка, Клара Ивановна Райсвих, родилась 18 июня 1922 года в селе Нижняя Водянка Гмелинского района Саратовской области, в семье Кристины Райсвих и русского человека с немецкими корнями по имени Иван. Многое пришлось ей пережить на жизненном пути. В 1941 году, когда еще не началась война, она вышла замуж и стала жить отдельно от родителей. В этом же году у нее родился сын Саша, а на следующий год – дочь Эмма. Дети были еще совсем маленькими, когда их отца забрали в трудармию. Больше ни мужа, ни отца, которого постигла та же участь, моя прабабушка не видела. Их последующая судьба неизвестна. Это был первый удар судьбы.

Но, как говорится, беда не приходит одна. Во время войны маленькие Эмма и Саша умерли от кори. Вскоре Клара Ивановна была репрессирована и отправлена на Север, где жила до 1956 года в посёлке Красноселькупск Красноселькупского района Тюменской области. Условия были очень суровые. Как вспоминала сама прабабушка «бывало, что даже спать приходилось на голом промёрзшем полу, на брошенной соломе и фуфайке. Ели почти одну рыбу, больше не было ничего». Работала на рыбзаводе. 16 июня 1948 года у нее родилась дочь, моя родная бабушка, Райсвих Надежда Петровна, в честь которой меня и назвали. После ее рождения Клара Ивановна поменяла место работы, чтобы быть ближе к маленькой дочке – работала в детском саду поваром. Своего отца моя бабушка даже не помнит, а отчество Петровна она получила от своего отчима – Петра Гордеева, второго мужа прабабушки. У Клары Ивановны и Петра родились двое совместных детей – Николай и Михаил. Оба они умерли в детском возрасте от инфекции и отсутствия

медицинской помощи. Последующая судьба Петра Гордеева неизвестна. Моя прабабушка осталась одна с маленькой дочкой на руках.

Тяжёлые послевоенные времена давали о себе знать. Очень трудно было Кларе Ивановне одной. Помогали соседи, подружки. Но по-настоящему родных людей рядом не было. Тогда она решилась забрать дочь и уехать в Сибирь к маме, к братьям и сестрам. Произошло это в 1956 году. Путь был долгим и трудным. Через реку переправлялись на пароходе, которым управляли русские. Когда они узнали, что на судне немцы, они подумали, что это те самые, которые недавно воевали против них, поэтому хотели потопить пароход вместе со всеми пассажирами. Пришлось моей прабабушке долго объяснять, что они немцы, но всю свою жизнь прожили в СССР и не воевали против них! Чудом удалось убедить в этом русских и благополучно добраться до места.

Вскоре Клара Ивановна с дочкой добрались до с. Кортуз Краснотуранского района Красноярского края, где жила Кристина Егоровна, моя прапрабабушка с сыном, невесткой и младшей дочерью. Пережив столько горя, наконец, мои родственники зажили спокойнее...

Ближе к старости Клара Ивановна обрела долгожданную большую семью с внуками и правнуками, которых сама нянчила, хорошие условия проживания, мир и душевный покой. Очень жаль, но в этом мире нет ничего вечного. Прабабушки не стало три года назад – в конце 2008-го. Но мы всегда ее будем помнить и любить. На память нам остались многочисленные фотографии, книги на старо-немецком языке, медали, почетные грамоты.

Надежда Сорокина (село Тубинск Краснотуранского района)

В это время в Колпашево, административном центре Нарымского округа, кипела подготовительная работа к приему переселенцев. Обследовались поселки трудпоселенцев и районных центров на предмет размещения в них нового контингента.

В Кривошеинском районе такую работу проводил уполномоченный Сонин. 30 июля в докладной записке в ОИК он, захлебываясь от восторга оказанным ему теплым приемом, сообщал, что предполагаемые 2000 переселенцев могут быть расселены в шести сельсоветах, а остальные пять в состоянии принять еще столько же. По его словам, и «в самом райцентре народ живет на широкую ногу в смысле площади», весьма свободно размещены здесь районные организации. «Так что, – резюмировал уполномоченный, – данная Вами цифра по Кривошеинскому району для размещения завозимых людей более чем недостаточна. Безболезненно можно разместить в районе дополнительно 6–7 тысяч человек»¹².

Эта и подобные ей реляции одуревших от пьянки командированных функционеров способствовали принятию решения о дополнительной мобилизации в области пяти с половиной тысяч немцев, которое ОИК принял 3 августа 1942 г. Соответствующие распоряжения были отправлены руководителям еще пяти райкомов и РИКов: Чулымского (на 500 чел.), Яшкинского (на 1500), Юргинского (на 2000), Анжеро-Судженского (на 1000) и Колыванского (на 500 чел.)¹³.

В конце июля на железнодорожных станциях и пристанях 12 районов области началась погрузка спецпереселенцев в эшелоны и на пароходы. При этом график подачи транспортных средств почти во всех местах, несмотря на столь тщательную подготовку операции, оказался сорван. Во всех пунктах отправки эшелонов задержки в подаче вагонов составили от нескольких дней до недели и более. Так, из Коченево эшелон (40 вагонов) был отправлен 29 июля (вместо 23 июля), из Топков – 6 августа (вместо 1 августа), из Каргата – 13 августа (вместо 2 августа), из Та-

einer Sitzung des Gebietskomitees am 2. Juli 1942 legten Vorsitzende des Narymskij Bezirksvollzugskomitees Krylow und der Vorsitzende des Nowosibirsker Fischereibetriebsverbandes Kolesnikow einer Aufsichtstrotjka den endgültigen Verteilungsplan der deutschen Arbeiter vor. Der Plan sah 33 Ortschaften in insgesamt 7 Kreisen für die Unterbringung der Neuankömmlinge vor. Im Einzelnen wurde die Verteilung auf die 7 Kreise wie folgt beschlossen: Aleksandrowskij Kreis – 3.000, Kargasokskij Kreis – 2.500, Parabel'skij Kreis – 2.000, Kolpaschewskij Kreis – 3.000, Moltschanowskij Kreis – 2.000, Kriwoscheinskij Kreis – 2.000 und Tschainskij Kreis – 500 Menschen (Anlage 2).

Angefangen mit der ersten Abfahrt am 21. Juli vom Bahnhof von Torgutschin, endete der speziell für die Übersiedlungsaktion erstellte Zugfahrplan mit der letzten Abfahrt am 11. August vom Bahnhof von Ischmor. Diese Pläne wurden jedoch nicht eingehalten. Schon in der Vorbereitungsphase mussten einige erhebliche Änderungen vorgenommen werden. Die Zugfahrten mussten auf Ende Juli verlegt, die Zielorte neu bestimmt und – vor allem – die Zahlen der Umgesiedelten umgeändert werden.

Bei der Überprüfung durch die Ausführungskommission mussten viele Deutsche auf Grund von Krankheiten, Schwangerschaften oder Eheschließungen zwischen deutschen Frauen und russischen Männern von den Listen gestrichen werden. Sie wurden durch andere Familien ersetzt. Fast ein Drittel der so erfassten und umgesiedelten Deutschen waren Kinder¹⁵.

Zur selben Zeit herrschte im Narymskij Bezirkszentrum Kolpaschewo großer Aufruhr: Vorbereitungen auf die Ankunft der deutschen Arbeiter gingen in vollen Zügen voran. Sämtliche Arbeitersiedlungen und Kreisstädte wurden als möglicher zukünftiger Wohnort für umgesiedelte Deutsche in Betracht gezogen und auf ihre Aufnahmekapazitäten hin geprüft.

Der Beauftragte Sonin sollte sich vor Ort von den Möglichkeiten einer Bevölkerungsaufstockung in den Ortschaften des Kriwoscheinskij Kreises überzeugen. Hellauf begeistert von dem barmherzigen Empfang,

« Wind, o Wind

Endlos kreisen die Gedanken,
um die weite Wolgasteppe,
wo die Tulpen reichlich blühen
und in jungen Birkenhainen
schüchtern singen die Pirole.

Durchsichtige Jugendjahre,
Morgenrot vom Tau besprenkelt.
Wohlgeneigte Untergasse,
Haus mit blauen Fensterläden.
Hinter grünbelaubter Hecke

Glimmte rosarot der Kirschbaum,
und der Weiher lockte ständig
in die sonnenwarmen Wasser.
Alle Wege standen offen
durch die heimatlichen Fluren.

Endlos kreisen die Gedanken
um das Haus mit blauen Läden
und die roten Stepentulpen.
Wind, o Wind, weh still und stiller,
dass die Träume nicht verwehn.

Rosa Pflug

Rosa Pflug,

Russlanddeutsche Lyrikerin, Übersetzerin, Prosaschriftstellerin, geb. 1919 im Dorf Antonowka, Gebiet Saratow. Während des Krieges kam sie in die Trudarmee im Gebiet Archangelsk. Seit 1950 lebte in Kasachstan. Heute lebt in Berlin.

тарки – 7 августа (вместо 3-го) и т. п. Столь же неорганизованно осуществлялась и погрузка на пароходы¹⁴.

Только к 13 августа семь пароходов («Шевченко», «Дзержинский», «Пролетарий», «Киров», «Александр Невский», «Тихонов» и «Ким») отошли наконец от новосибирских пристаней.

Отправка дополнительной партии переселенцев из районов Чулымского (254 чел.), Анжеро-Судженского (958 чел.) и Колыванского (1530 чел.) состоялась уже в конце августа – начале октября. Всего с конца июля по начало октября в Нарымский округ было вывезено 13 818 немцев¹⁵.

В ходе погрузки последней партии выяснилось, что списки переселенцев составлены РИКом небрежно: часть семей записана дважды, допущена масса ошибок в нумерации фамилий. В результате фактически размещенных на пароходе людей оказалось меньше, чем значилось в списках. Кроме того, в списках обнаружили большие старики, которых потом, при выгрузке, пришлось выносить на руках, беременные женщины (двоих пришлось оставить на пристани Колывань, так как у них начались роды). Некоторые семьи сплошь состояли из одних немощных стариков и детей, заранее обреченных на вымирание.

В пути следования шесть политруков, переводчик-немец Бахман и начальник эшелона Храмцов организовали горячее питание из буфета пароходства: один раз в день суп и не каждый день каша или затируха. Хлеб и рыба выдавались сухим пайком, детям варили манную кашу. Кроме того, детям до 10 лет и больным старикам было роздано по 10 граммов сахара. Качество приготовленной пищи, однако, оставляло желать лучшего, и переселенцы высказывали неоднократные нарекания и просьбы о выдаче всего причитающегося пайка им на руки в сухом виде.

По уточнении списков погрузка была оформлена актом 9 октября с маршрутом следования до пристаней Колпашево (800 чел.), Парабель (200 чел.) и Каргасок (530 чел.). Однако в тот же день

den man ihm zu Teil werden lies, schilderte er in einem Bericht an das Kreisvollzugskomitee vom 30. Juli seine Beobachtungen. Er empfiehlt die erwarteten 2.000 Übersiedler auf 6 von insgesamt 11 Selsowjets¹⁶ zu verteilen, wobei die restlichen 5 seiner Meinung nach ebenso über große Kapazitäten verfügten und problemlos in der Lage wären, weitere 2.000 Menschen aufzunehmen. Selbst in der Kreishauptstadt lebe man auf großem Fuße, was den Wohnraum anbelangte – so der Beauftragte – so könne man die Gesamtzahl der Umgesiedelten im Kriwoscheinskij Kreis ohne Bedenken mit weiteren 6.000 bis 7.000 Menschen aufstocken¹⁷.

Ähnliche euphorische Rückmeldungen kamen auch von den Beauftragten aus den anderen Kreisen. Beflügelt durch Unmengen von Alkohol „zur Begrüßung“ ließen sie die Zahlen in ihren Einschätzungen in die Höhe steigen. Solche Berichte führten letzten Endes am 3. August 1941 zu der Entscheidung, die Zahl der Mobilisierten um weitere 5.500 Menschen zu erhöhen. Entsprechende Anweisungen, diese auszuwählen und für die Aussiedlung vorzubereiten gingen an die Vorsitzenden der 5 Kreiskomitees und Kreisvollzugskomitees, zu denen der Tschulymskij Kreis mit 500, der Jaschkinskij Kreis mit 1.500, der Jurginskij Kreis mit 2.000, der Anschero-Sudschenskij Kreis mit 1.000 und der Kolywanskij Kreis mit 500 zusätzlich zu mobilisierenden Deutschen zählten¹⁸.

Ende Juli begann in 12 Kreisen des Gebiets der Abtransport der Zwangsumsiedler mit Zügen und Schiffen. Doch trotz der gründlichen Vorbereitung des Transports, konnte der erstellte Fahrplan sogut wie an allen Standorten nicht eingehalten werden. Es kam zu tagelangen Verspätungen – mancherorts sogar bis zu 7 Tage und länger. So fuhr beispielsweise in Kotschenewo ein Langzug mit insgesamt 40 Wagen statt am 23. Juli am 29. ab, in Topki wurde es der 6. August statt dem 1., in Kargat der 13. August statt dem 2., in Tatarka der 7. August statt dem 3. Genauso chaotisch gestalteten sich auch die Abfahrten der Schiffe¹⁹.

Erst am 13. August konnten die 7 Schiffe „Schewtschenko“, „Derschinskij“, „Proletarij“, „Kirow“, „Aleksandr Newskij“, „Tichonow“ und

Im frostigen Monat Januar 1942 war`s, da hielt ein Güterzug mit mobilisierten, nach den Regeln, deutschen Männern an der kleinen Station Moroschko Gebiet Swerdljowskaja. Beim Eingang in die Zone (wo vorher Häftlinge lebten), machten die Behörden im Wachthaus vorerst von allen Fingern der Männer Abdrücke. Alle waren wie geschockt. In diesem Zustand wurden die Männer in Baracken geführt. Die Schlafbänke waren zerkratzt und beschrieben: man konnte Namen, Fluche... Schimpfwörter lesen. Wie lange die Männer so still, in Gedanken versunken, saßen... Uhren gab es keine, es schien, es wäre die Zeit stehen geblieben. Endlich stand der junge Mann auf und sagte: «Was lasst denn ihr die Köpfe hängen? Wollt mal uns zum Rauchen drehen und mal sehen, wie es draußen um unsere Baracke herum aussieht, wo es eine Toilette gibt. Ich muss nämlich mal. Er stand auf und holte seinen ausgenähten Tabakbeutel hervor und drehte sich eine Zigarette. «Na, wer kommt mit?» - und ging hinaus. Andere folgten ihm. Erst als sie auf den Hof kamen, sahen sie richtig den hohen Zahn mit Stacheldraht überm Zaun. An jeder Ecke stand ein Wachturm, auf dem Soldaten mit Gewehren standen. Hin und wieder hörte man Hunde bellen. «Da sind wir hier so wie Gefangen». «Was sagst du dazu, Gustav Petrowitsch, du bist doch ein Parteimann?» - scherzte der junge Mann, aber bereute es auch schon: die Angst von 1937 mahnt noch immer- «pass auf; sei vorsichtig!». Gustav Petrowitsch, der ehemalige Direktor der Schule in Schöntal, schwieg erst mal. Vielleicht suchte er nach Worten, so was wie eine goldene Mitte. Dann sagte er halblaut: «Ich glaub`, wir sind alle gleich...» Holz fällen mit Beil Säge ist eine sehr schwere Männerarbeit. Aber ohne Erfahrung ist sie doppelt so schwer. Doch bald erfuhren die «Trudarmisten-Männer», wie die Bäume gefällt werden, wie sie bewacht und behandelt werden. Nur wenige konnten die Norm ausarbeiten. Obwohl sie bis zur Erschöpfung arbeiten. Die Kälte und der Hunger drückten die Männer nieder. Viele erlebten nicht mal den ersten Frühling im Urwald. Und ein Ende dieser Qual war nicht zu erhoffen. Tag ein, Tag aus, immer die Angst vor «was bringt mir der Morgen». Früh morgens, ob Schnee oder Regen, wurden alle, die noch gehen konnten, in den Wald geführt – von Soldaten mit Gewehren. Dann machten ein Beamter und ein Notarzt einen Rundgang, um die in den Baracken zurückgebliebenen vorerst zu besichtigen. Die noch lebenden Kranken und geschwächten wurden im Krankenzimmer vom Arzt untersucht und behandelt. Die nicht krank waren, d.h. sich «verstellt» hatten, wurden ins Arrestlokal, den Karzer, eingesperrt... Und die Toten wurden fast nackt, im besten Fall mit alten Unterhose, auf einen großen Schlitten geworfen, hinaus in den Wald auf einen so genannten «Friedhof» gebracht und mit Schnee verscharrt. Es gab Gerüchte dass vor der Erstarrung durch die Kälte im Winter einmal einige Worte von einem Sterbenden gehört worden seien: «Ich lebe ja noch, warum...» Der Fuhrmann, nicht wenig erschrocken hier im Wald so ganz allein mit den Zeichen, stotterte nur so etwas vor sich hin: «Der Chef und der Arzt wissen es doch besser, ob du noch lebst, oder...? Du sollst ihnen dankbar sein, dass du jetzt immer von der Arbeit befreit ist...»

Johannes Scheyermann, den 10.06.2002

Johannes Scheyermann

Johannes Scheyermann (1922–2009) wird in Schöntal, Kanton Krasnyj Kut geboren. Anfang der Zwanziger erlebt die junge Wolgarepublik starke Hungersnöte. Seine vaterlose Familie leidet Armut. Trotz aller Widrigkeiten, strebt der Junge nach Bildung. Nach der Schule besucht Scheyermann die pädagogische Hochschule und absolviert sie 1941, kurz vor der Deportation als Deutschlehrer. Im September wird die Familie deportiert. Erst landet sie in Uspenka, dann werden sie getrennt und der 19-jährige Johannes muss im Januar 1942 alleine in die Trudarmee. Er arbeitet in Taborinsk – eine Abteilung des Seurallag.

ОИК получил телеграмму от руководства Нарымского округа о невозможности ввиду перенаселения указанных пунктов принять новых переселенцев. «Категорически настаиваем, – говорилось в телеграмме, – выполнить новую разнарядку», согласно которой маршрут следования продлевался до самого северного Александровского района.

Свободного жилья
подготовлено не было.
Людям приходилось
глубокой осенью
самим рыть землянки.

Переселенцев следовало высадить на пристанях Прохоркино (150 чел.), Новоникольск (100 чел.), Верхне-Вартовск (300 чел.), Кривоуцк (200 чел.), Лукашино (200 чел.), Александрово (350 чел.), Колмогора (100 чел.) и Медведево (200 чел.).

Поскольку, вопреки намеченным планам, свободного жилья и здесь подготовлено не было, приемщики заверяли уполномоченную, что все переселенцы будут расселены по сельсоветам и колхозам «в порядке уплотнения», чтобы сразу же приступить к рытью землянок. Александровский пункт вообще отказался от приема людей «из-за отсутствия возможности расселения», и часть направляемого туда спецконтингента была высажена в Ларино, где их тоже никто не ждал.

Обещания незамедлительного устройства переселенцев, хотя бы на условиях «уплотнения» местного населения, были выполнены не везде. В Кривоуцком (Н.-Аскымовский засольный пункт) и Лукашкином Яру, где все наличные помещения были уже полностью заняты, переселенцы вместе с детьми и вещами оставались на покрытом снегом берегу при 13-градусном морозе еще 17 октября¹⁶.

Не лучше обстояло дело и с приемом августовской партии переселенцев.

Из-за отсутствия нормального жилья спецпереселенцы были расселены в пустующих полуразрушенных домах, клубах, крас-

„Kim“ nach erfolgtem Umsteigen der Passagiere endlich aus dem Hafen von Nowosibirsk auslaufen²⁰.

Die Mobilisierung der zusätzlichen Zwangsarbeiter aus den nachträglich mit in den Plan aufgenommenen Kreisen wurde in der Zeit vom Ende August bis Anfang Oktober durchgeführt. In ihrem Rahmen wurden 254 Deutsche aus dem Tschalymskij, 958 aus dem Anscherо-Sudschenskij und 1530 aus dem Kolywanskij Kreis umgesiedelt. Und so ergab sich eine Zahl von insgesamt 13.818 in der Zeit²¹ von Ende Juli bis Anfang Oktober 1942 in den Narymskij Kreis umgesiedelten Deutschen.

Wegen fehlender Unterkünfte, mussten viele Zwangsumgesiedelten in halbzerstörten Gebäuden, in Kulturhäusern, in Schulen, in Internaten und in „Krasnye Ugolki (sing.)“²² oder bei fremden Familien einquartiert werden. Manche Zwangsarbeiter hatten einen ganzen Monat lang kein Dach über dem Kopf. Zwar war in ihren neuen Wohnorten bereits im Winter die Errichtung neuer „einfachster“ Unterkünfte („Semljanki“) geplant, doch auch nach den Umsiedlungen wurde mit der Umsetzung dieses Vorhabens noch nicht einmal begonnen. Ein weiteres großes Versäumnis waren die fehlenden Handelsstrukturen in den Einsiedlungsorten. Das mit dem Ausbau der Handelsstrukturen betraute Konsumbündnis der Fischer versäumte es auch, sich um die Lieferung benötigter Lebensmittel und Industriewaren zu kümmern. So gab es bereits kurz nach der Aufnahme der deutschen Arbeiter Unregelmäßigkeiten in der Versorgung mit diesen Gütern. So deckten die angeschafften Vorräte an Mehl Ende August - nur einige Wochen vor der winterlichen Unterbrechung der Schifffahrt - nur 20% des Jahresbedarfs und Mitte September – lediglich 27%²³.

Wie sich später herausstellte, wurden in der Region bedauerlicher Weise gar nicht so viele zusätzliche Arbeitskräfte gebraucht. So gab es für einen beträchtlichen Teil der deportierten Deutschen keine Arbeit beim staatlichen Fischereibetriebsverband. Außerdem erkannte man nach und nach, dass die Menschen wieder einmal vom Staat ausgeraubt wurden. Vor der Umsiedlung waren sie gezwungen, ihr Vieh, ihre Kartoffelernte und das Brot, das sie für die geleisteten „Trudodni“ (Arbeits-

Элла Бауэр

« Когда началась депортация, мне 12 лет было. Мы жили в селе Розенфельд Мариентальского района Саратовской области. 28 августа пришел приказ выселить немцев. За двое суток собрали всех с трех сел – Розенфельд, Вайценфельд и Кнаттендорф – на станции Наххой. Погрузили в эшелон и увезли в Казахстан. Мы попали в Кустанайскую область, Владимирский район, с. Воробьевка. Хозяин наш работал в сельсовете. Я, папа, мачеха, ее дочь с дочкой жили в одной комнате, а в другой жила семья хозяина. Когда мы туда приехали, нас сразу заставили работать: уборка ведь еще не закончилась. Всем серпы выдали, и мы в поле жали пшеницу, вязали снопы, пока снег не выпал. Затем молотили, а по ночам на сортировках работали. Сортировали вручную, а если надо было, то нас 70 км на эlevator в Кустанай на быках отправляли. В январе 1942 г. отца в трудармию забрали, в декабре 1943-го – меня с мачехой. Осталась там одна только ее дочь с дочкой, ей было месяцев 11. Нас увезли в Караганду, п. Новый, в открытые шахты, а в конце марта – на Дальний Восток. 15 апреля мы перешли

Амур. В августе снова по этапу – по непроходимой местности через лес. Перед этим у нас забрали все. Сказали: «Положим в камеру хранения, когда дойдете, привезем». А выдали кирки, лопаты, топоры, пилы, лом – все на себе несли. Мы спрашивали: «Товарищ начальник, скоро будет наша колонна?», – а он: «Скоро, скоро». А когда мы на месте остановились, дерево обтесанное стоит, колышек, и на нем написано «1-я колонна». Ничего не было. И вот мы три месяца под открытым небом. Есть нечего, врач нас крапивой поддерживал. Только иногда на вьюках сухой паек привезут, дадут. Мы тогда шалаши из хвои делали. А в конце сентября палатки уже сбросили. Установили их, из жердей сделали нары. Старались побольше ветвей собрать, постелей же не было: мы, как свиньи, в солому зароемся и лежим. А потом печки сбросили. Мы их топили днем и ночью. И работали день и ночь. Мы молодые были, по 15–16 лет. Норма на одного рабочего была 20 кв. м. Я должна была с этих 20 кв. м. снять растительный слой, выкорчевать дерево, если оно попало, распилить его, сложить, сделать дорогу и откос.

Несколько раз было так, что нас не кормили по 3–4 дня, правда, сделали пекарню. Начальник был, как сейчас помню, Решетков Василий Васильевич, пожилой уже, как он над нами издевался! Мы ему говорим: «Василь Васильевич, но люди ведь уже не могут, как мы будем работать?» – А он: «Саботажники, фашисты...»

Мы стихотворение такое рассказывали:

Ah, wie dunkel sind die Mauer
Und die Ketten sind so schwer
Ah, wie lange wird's noch Trauer
Gibt's bei uns keine Retten mehr.

К концу войны от 300 человек осталось нас 120. Понадобилась дорога для войны с японцами, и нас спасали черемшой, стали лучше кормить, относиться лучше, и мы запели:

Здесь живем мы в тайге золотистой,
Строим путь для страны молодой.
Как закончим мы эту работу,
Мы приедем, родные, домой.

А после окончания войны нам объявили, что мы теперь не трудармейцы, а спецпереселенцы.

Из воспоминаний Эллы Петровны Ягодки (Бауэр), г. Барнаул, Алтайский край.

ных уголках, школах, интернатах, в домах местных жителей. Часть их вообще оставалась без крова в течение целого месяца. Как выяснилось, ни в одном из районов округа до их приезда не было начато запланированное еще зимой строительство «простейших» жилищ (землянок). Но самое главное, что Рыболовпотребсоюз не выполнил поручения и «не приблизил торговую сеть к местам расселения спецпереселенцев», не завез необходимого продовольствия и промтоваров, перебои в снабжении которыми начались с первых дней их пребывания на нарымской земле. На конец августа, в преддверии окончания навигации, оказалось завезено 20 % годовой потребности муки, на 17 сентября – всего 27 %¹⁷.

Печальным было и то, что округ, как выяснилось, вовсе не нуждался в таком количестве рабочей силы, и значительная часть прибывших не могла найти применения своим рабочим рукам на предприятиях госрыбтреста. Оказалось также, что власть в очередной раз ограбила людей, ибо в ряде районов, где не оказалось такого сердобольного уполномоченного, как в Черепанове, немцы сдали полученный на трудодни хлеб, скот и посев картофеля заготовительным организациям, не получив за это не только никакого вознаграждения, но и квитанции и справок о сдаче, которые были обещаны им на месте вселения. На это жаловались, к примеру, прибывшие в Молчановский район из Коченевского района переселенцы¹⁸.

Результаты проверки оказались столь плачевными, что для преодоления возникших сложностей потребовалось вмешательство Москвы. 23 августа 1942 г. заместитель наркома внутренних дел СССР С. Круглое, изложив обстоятельства дела в письме на имя секретаря ЦК ВКП(б) Андреева, попросил его дать указания секретарю Новосибирского ОК о принятии срочных мер, обеспечивающих быстрее бытовое устройство и трудовое использование спецпереселенцев¹⁹. В течение следующего месяца августовская партия немцев была наконец размещена, глав-

единицы в der Länge eines vollen Arbeitstages) bekamen, den örtlichen Weiterverarbeitungsbetrieben und Schlachtereien zu überlassen. Die dafür versprochenen Bescheinigungen, die eine Entschädigung am neuen Wohnort ermöglichen sollten, bekamen viele nicht. Darüber haben sich beispielsweise die aus dem Kotschenewskij in den Moltschanowskij Kreis ausgesiedelten Menschen beklagt²⁴, die nicht das Glück hatten von einem so großherzigen Beauftragten betreut zu werden, wie es zum Beispiel in Tscherepanowo der Fall war.²⁵

Diese Umstände waren so beklagenswert, dass am 23. August 1942 schließlich die Moskauer Verwaltungsbehörden einschreiten mussten. In einem Schreiben an den Sekretär des Zentralkomitees der WKP(B) Andreew berichtete der stellvertretende Volkskommissar des Inneren der UdSSR S. Kruglow über die bedauernswerte Lage im Narymskij Bezirk und bat, dem Sekretär des Nowosibirsker Bezirkskomitees die Anweisung zu erteilen, Sofortmaßnahmen zur vertretbaren Unterbringung und Arbeitseingliederung der Zwangsdeportierten einzuleiten²⁶. Im Laufe des nächsten Monats wurden alle im August umgesiedelten Familien mit Unterkünften versorgt. Manche wurden bei den Einheimischen einquartiert, andere zogen in Arbeiterwohnheime der Fischfabriken, in leer stehende Häuser in Kolchosen und in Wohnbaracken der Forst- und Holzwirtschaftsbetriebe. Nur ein kleiner Teil der Menschen blieb „vorübergehend“ in den Gemeinschaftsräumen der Kulturhäuser und in „Krasnye Ugolki (sing.)“, wo einige von ihnen ihren ersten Winter im Narymskij Bezirk verbracht hatten.

Erst nachdem das Zentralkomitee durchgegriffen hat, begannen der Bau der neuen Häuser und das Graben der „Semljanki“. Alle Arbeiten erledigten die Deportierten selbst. Zur Mitte September wurden 945 durch den Fischereibetriebsverband vorgefertigte Holzmauern zu 2/3 bereits bei dem Bau von etwa 100 kleinen Häusern verarbeitet und zu 1/3 für den Bau neuer Siedlungen ausgeliefert. Um bei dem Bevölkerungszuwachs ausreichende medizinische Versorgung zu gewährleisten, wurden 4 neue Sanitätsstellen eingerichtet, jeweils eine davon im Aleksandrowskij und im Werchne-Ketskij und 2 im Kargasokskij Kreis²⁷.

Эрна Вирт

В ноябре 1942 года девушки и женщины 15–50 лет мобилизовывались в так называемую трудармию. Мы прошли комиссию в военкомате, и нас погрузили в поезд. На каждой станции подсаживались новые люди. Ехали в товарняках, в страшной тесноте, буквально друг на друге. Наконец прибыли в Уфу. Тут нас распределили – без всяких списков, просто распихали по вагонам с надписями мелом «Стерлитамак», «Ишимбай», «бугуруслан» и другие. На нашем вагоне была надпись «Соцгородок».

Высадили на маленькой станции Уруссу, в сильный мороз, прямо на снег. Там и дожидались утра, когда из Соцгородка прислали сани. На них мы погрузили свои чемоданчики и узлы, а сами следом пошли пешком. Было нас, первых, 360 человек. Пока дошли, многие обморозились. А тут еще проблема – негде было размещаться. Городка как такового не было. Стояло несколько бараков. (ныне это район бани № 1), где жили бакинские нефтяники с семьями.

Спешно стали освобождать помещение бывшего треста: еще папки вытаскивали, а девушки уже вселялись. Кое-кого устроили в столярную мастерскую и даже в мечеть поселка Муллино. Рыли большие землянки.

Воспоминания Эрны Цветковой-Вирт, депортирована в 1941 году из Энгельса в Красноярский край.

180 человек стали нефтяниками, трудились в бурении, на первом промысле, в тракторной конторе, на глинокарьерере и так далее. Это было жутко голодное время. Сначала нефтяники получали по 700 г хлеба. Люди быстро слабели. Потом пайку повысили до 1 кг в день, позже – до 1200 г. Работали по 10–12 часов, без выходных, отпусков. Мы быстро обносились, многие начали ходить в лаптях. Тогда нам выдали спецодежду (до этого работали голыми руками). Весной копали мертвую картошку, ели липовые почки, пили березовый сок. Выжили мы благодаря местному населению...

Помню, как 8 августа пробурили сотую скважину. Взмыл мощнейший фонтан. К нам прилетел министр нефтяной промышленности Кузыккин. В старой столовой устроили вечер. Бурмастеру Трипольскому в награду дали американскую шубу и 80 тысяч деньгами. Деньги он сдал в фонд обороны. Премиями и отрезами ситца награждены были все, кто работал на «сотой». В их числе и наши трудармейцы. К сожалению, назвать всех не могу. Твердо помню одно: все работали самоотверженно верили, что война скоро кончится и делали во имя победы все, порой невозможное.

ным образом по домам местных жителей, часть в общежитиях рыбзаводов, в свободных жилых помещениях колхозов, бараках леспромхозов. Лишь небольшая часть переселенцев оставалась «временно» в общих зданиях (клубах, красных уголках), которые стали для многих местом постоянного проживания на всю первую нарымскую зиму.

Только после вмешательства ЦК началось и строительство домов, и рытье землянок, осуществляемое силами самих переселенцев. К середине сентября из 945 срубов, заготовленных рыбтрестом, третья часть была развезена к местам строительства поселков, а около сотни домиков построены и заселены. Для медицинского обслуживания спецпереселенцев в это же время были организованы четыре дополнительных медпункта: по одному в Александровском и Верхне-Кетском и два в Каргасокском районах²⁰.

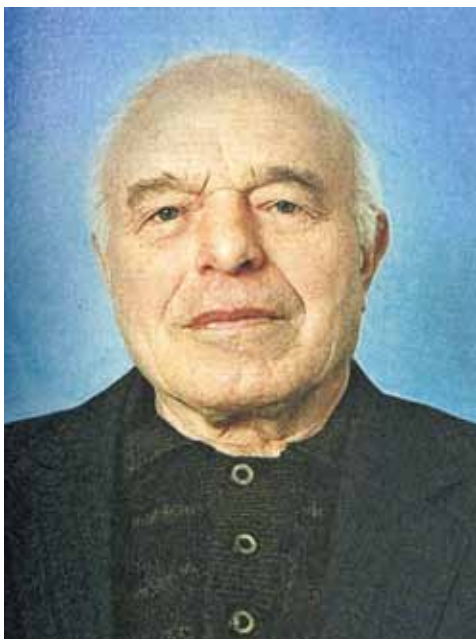
Но это было, пожалуй, все, что удалось сделать до зимы усилиями местных организаций. Требовалась настоятельная помощь областных властей, которые, осуществив переселение, казалось, совершенно забыли о подопечных. В письме от 17 сентября на имя первого секретаря ОК ВКП(б) секретарь Нарымского окружкома Михайлов просил срочно, до ледостава, отправить в округ оконное стекло (его требовалось 13 400 кв. м) и хотя бы 50 тонн гвоздей, ибо строить жилье без них нельзя, тем более что и все выстроенные дома сооружены почти без гвоздей и заселены с незастекленными окнами.

Необходимо было обязать правление госпароходства срочно послать 10 барж для перевозки к местам расселения готовых срубов и в целях экономии времени и рабочей силы на ручную распиловку леса выделить наряд на пиломатериалы (5000 куб. м) с местных заводов. В преддверии зимы требовалось также выделить хотя бы небольшой запас рабочей обуви (ботинок, пимов) или кожаных головок для бахил и брезента для голенищ, чтобы изготовить обувь на месте. Секретарь

Dies waren jedoch die einzelnen Schritte, die die örtlichen Behörden vor dem Wintereinbruch mit vereinten Kräften bewerkstelligt hatten. Die Notwendigkeit einer tatkräftigen Unterstützung seitens der Gebietsbehörden zeichnete sich immer mehr ab. Doch diese schienen ihre Nachbarn aus dem Narymskij Bezirk nach den Umsiedlungen gänzlich vergessen zu haben. In einem Brief vom 17. September bat der Sekretär des Narymskij Bezirkskomitees Michajlow den 1. Sekretär des Bezirkskomitees der WKP(B), auf schnellstem Wege, bevor die Flüsse zufrieren würden, 13.400 m² Fensterglas und mindestens 50 Tonnen Nägel in die Region zu liefern, da viele Häuser – fast ohne Nägel gebaut – zum größten Teil zusammengesteckt werden mussten und bezogen wurden, obwohl noch keine Fensterscheiben eingebaut waren.

Die Schiffahrtsbehörde sollte zur Bereitstellung von 10 Lastkähnen für die Verfrachtung der vorgefertigten Holzmauern zu den Bauorten verpflichtet werden – schlug Michajlow vor. Den regionalen Sägewerken war ein Herstellungsauftrag für 5.000 m³ Sägeholz zu erteilen, damit so Zeit und Arbeitskraft gespart würden. Für den bevorstehenden Winter sollte wenigstens ein kleiner Vorrat an Arbeitsschuhen organisiert werden. Es wurden dringend Winterschuhe und Filzstiefel, oder Leder für Schuhkappen und Planenstoff für Stiefelschäfte zur Fertigung vor Ort gebraucht. So bat Michajlow um eine Lieferung von 3.000 Paar Arbeitsschuhen, 2.000 Paar Männerfilzstiefel, 5.000 Ledersätzen für Schuhkappen und 10.000 m Planenstoff. In seinem Brief klagte Michajlow auch über „nicht ausreichende Gemüsevorräte. Der Gemüseanbau der Region war auf einen so großen Bevölkerungszuwachs nicht ausgerichtet und bringt nun nicht genügend Ernte ein, um den Bedarf der Einwohner an Gemüse zu decken.“ So begründete Michajlow seine Bitte um eine Lieferung von 1.000 Tonnen Kartoffeln, 100 Tonnen Kohl und 5 Tonnen Zwiebeln und Knoblauch. Die Versorgung der Region mit Mehl sollte um 200 Tonnen pro Monat gesteigert werden, um auch den Teil der deportierten Bevölkerung mit Brot versorgen zu können, der nicht bei dem Fischfang eingesetzt wurde. Und dieser Teil war alles andere als gering. Dies war nicht nur mit dem Alter der betroffenen Personen, mit Krankheiten oder mit zu vielen Kindern in

Семья Сак

Мои родители – отец и мать, дедушка, братья, сестры и я, Сак Эммануил Яковлевич, родились на Волге и жили постоянно в Саратовской области, Бальцерском районе, в селе Хук. Напротив нашего дома, через площадь, стояли немецкая церковь и школа. Наш дом был пятистенным, крыша покрыта железом. Под домом, в подвале, выложенным из камней, были перегородки для овощей, а на потолке – подвесные крючки и палки, на которых круглый год висели копченые колбасы и окорока. В этом доме жили две семьи: мой отец Яков с матерью Анной-Маргаритой и нами, детьми, и семья его родного брата Георгия с женой (родной сестрой моей матери и детьми. Две семьи вместе вели большое хозяйство: пахали свою землю, сеяли рожь, пшеницу, овес, заготавливали сено для скота. У нас в хозяйстве были лошади, быки, овцы, коровы, свиньи, куры. Кроме дома, были постройки: амбар, конюшня, навес для сельскохозяйственного инвентаря. Там хранились косилки, плуги, телеги, сани и многое другое. Была также летняя кухня, где летом пекли хлеб и готовили пищу. В дом же ходили летом только ночевать...

В конце августа 1941-го в село пришло горе. Под присмотром солдат и офицеров людей сажали в грузовики, телеги, тракторные прицепы. Много вещей брать не разрешалось. Отовсюду раздавались плач и крики. Те, кто не хотел ехать, с помощью солдат вытаскивали из домов. Всех увозили на пристань г. Бальцер и грузили на баржи. Буксиром эти баржи отправляли вверх по Волге в город Саратов. В Саратове, снова под конвоем, пересадка в товарные вагоны. Мы были отправлены в Казахстан, в г. Кокчетав. Поезд останавливался прямо в поле. Высадили и стали распределять по колхозам. Так вместе с дядей Егором Крейком (мужем двоюродной сестры) я попал в колхоз «Заря» Арык-Балыкского района. Расселили нас по баракам. В этом колхозе уже жили поляки, которые были выселены в 1936 году. В бараке мы жили с польской семьей. Работали в колхозе: на комбайнах молотили пшеницу со скирд, делали зимние сани, ремонтировали конюшни, ферму. Зимой мы на санях возили пшеницу на элеватор на станцию Кокчетав. Немцы все могли делать. Председатель колхоза «Заря» был очень доволен нашей работой. Он очень жалел нас, помогал нам, чем мог, чтобы мы не голодали...

Из воспоминаний Эмманила Сака. В 1942 году Эммануил Яковлевич был трудмобилизован и попал в Челябинметаллургстрой. После 1956 года переехал с семьей в Краснокамск. Сегодня у Эмманила Яковлевича пять внучек, восемь внуков и 1 правнук.

просил 3 тыс. пар рабочих ботинок, 2 тыс. пар мужских пимов, 5 тыс. пар головок и 10 тыс. м брезента. В письме содержалась также настоятельная просьба – «ввиду позднего прибывания в округ большей части спецпереселенцев и необеспеченности их овощами в районах расселения из-за неразвитости овощеводства» дать наряд на 1000 тонн картофеля, 100 тонн капусты и 5 тонн лука и чеснока. Необходимо было увеличить лимиты муки как минимум на 200 тонн ежемесячно для снабжения хлебом тех спецпереселенцев, которые не использовались на рыбодобыче. Таких, кто не использовался на рыбодобыче, было немало, и не только по причине возраста, состоянию здоровья и многосемейности (женщины, имевшие 3–4 нетрудоспособных детей), но и в силу «отсутствия сетематериалов», т. е. орудий лова²¹.

В результате прибывшие на заготовку рыбы, в которой так нуждалась страна, работники были устроены в колхозах и артелях «со слабо развитым сельским хозяйством», где главным занятием были лесохимия, кустарные промыслы (пошив тех же бахил, изготовление лыж, ружейной болванки и пр.). Для местных колхозников-трудпоселенцев немцы превратились в тяжелый довесок, ибо с ними пришлось делиться хлебом, которым они снабжались по линии потребкооперации и без того по минимальным нормам – 300–550 граммов на едока. Скудность и перенаселенность небогатых жилищ создавали благоприятную среду для инфекционных заболеваний.

Между тем округ и без спецпереселенцев испытывал в 1942 г. серьезные экономические трудности. Большинство его районов в 1941 г. пострадало от сильного наводнения. Посевная в колхозах в связи с этим началась поздно, хлеб не успел вызреть, а ранние осенние заморозки довершили дело. Во всех колхозах вследствие неурожая не были полностью засыпаны семенные фонды, стал остро ощущаться и недостаток продуктового хлеба. Столь же плачевная картина наблюдалась и в животноводстве. Зимой

den Familien (teilweise 3-4 Kleinkinder in einer Familie) zu begründen. Zusätzliche Arbeiter konnten die Fischereibetriebe auf Grund fehlender Netze und anderer Fischereiausrüstung nicht beschäftigen²⁸.

So wurden die – vom Staat so dringend in den Fischereien benötigten – deportierten Arbeiter statt beim Fischfang zu einem großen Teil bei den Arbeiten in Kolchosen mit schwacher Landwirtschaft eingesetzt. Ob chemische Holzverarbeitung oder kleine Handwerkstätigkeiten wie Vernähen von Schafstiefeln, Fertigen von Skiern und von Kolben für Gewehre – hier gab es genug Arbeit für sie. Doch für die einheimischen Einwohner in den Arbeitersiedlungen wurden die Deutschen zu einem zusätzlichen Ballast. Alleine schon deswegen, weil man ohnehin so knappes Brot mit ihnen teilen musste. Die von der Konsumgenossenschaft ausgeteilten 300–350 g pro Tag reichten schon kaum aus. Erschwerend dazu begünstigten überfüllte Wohnhäuser und ärmliche Lebensumstände die Verbreitung von Infektionskrankheiten.

Dabei litt die Region 1942 ohnehin an großen wirtschaftlichen Schwierigkeiten, die nicht auf die fremden Ankömmlinge zurückzuführen waren. 1941 wurden viele Teile der Region überschwemmt, und die Aussaat in den Kolchosen begann deswegen viel später als sonst, das Getreide wurde nicht reif und ein früher Herbstfrost vollendete das Übel. Eine Missernte war die Folge, die Getreidespeicher wurden nicht voll, und dies bekamen die Menschen sehr schnell zu spüren, als das Brot nicht mehr ausreichte. Genauso beklagenswert sah es mit der Viehhaltung aus. Im Winter brach eine Viehseuche aus, und die Bauern mussten ihr Vieh schnellstmöglich an Schlachtereien veräußern, um eine Ausbreitung der Seuche und noch mehr Verluste zu vermeiden.

Wirtschaftliche Schwierigkeiten lösten bei der Bevölkerung eine „bedrückte Stimmung“ aus. Immer häufiger ließen sich ein „Massenfehlen an den Arbeitsstätten und nicht erfüllte Arbeitsnormen beobachten“. Die Waldrodung für neues Ackerland wurde unterbrochen, die Herbstfurche vernachlässigt.

Es wurden viele administrative Maßnahmen versucht, um diese Zustände zu verbessern, doch ein wichtiger Punkt fehlte dabei in den sämt-

« Моя мама родилась в 1913 году в Марксе. Отец ее служил на должности инструктора потребительской кооперации Немреспублики, мать была домохозяйкой. Еще в семье была младшая сестра Элла Генриховна. До 1931 года мама жила с родителями, окончила немецкую школу в Марксе (у них был свой дом). В 1931 году поступила в Институт Потребкооперации Саратова. Институт переводили сначала в Воронеж, затем в Харьков, где в 1936 году она его и закончила. В том же году она вышла замуж за Митрофана Еремина, но оставила свою девичью фамилию – Альтергот.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Отец ушел на фронт в июле, а в октябре 1941 года родилась я. Мама рожала меня под бомбежкой и убегала от немцев с грудным ребенком на руках пешком вместе с родственниками отца. «Это был такой ужас, – рассказывала мне мама. Когда бомбили, я ложилась на тебя и думала, что если убьют, то уже вместе с тобой». А в это время и маму ее, и сестру как немцев выселили из их собственного дома и депортировали в Сибирь, даже не дали собрать вещи. Дедушка мой умер к тому времени от воспаления легких. Вскоре моя бабушка и тетя Элла оказались в трудармии в Красноярском крае. Тетя после рассказывала, что это была ужасная жизнь, как они выжили, не знаю. Мама не могла работать, она серьезно болела. Тетя работала на торфоразработках и подорвала свое здоровье. Жили в тяжелейших условиях.

Маме моей с маленьким ребенком на руках тоже пришлось нелегко. Но, ей везло на хороших людей, как она говорила. С 1942-го по 1946 год она работала в Марксовском отделении Сороблторга. В 1943 году она получила документы, в которых говорилось, что мой отец пропал без вести. Она очень тяжело перенесла это известие. Много писала, искала его, но ничего не получала в ответ. Она думала, что он погиб. Во время войны ей запретили писать и общаться с мамой и сестрой. Она долгое время о них ничего не знала.

В 1946 году вернулся с фронта мой отец. Он тоже очень много пережил. Ему запретили жить в областных центрах и направили в город Ефремов Тульской области на химзавод. Уже из Ефремова они стали писать письма в Красноярский край.

Мы их нашли, мама стала ездить к ним. Один раз поехала и я, и бабушка меня впервые увидела. В последние годы жизни бабушка очень болела. Мой папа предлагал им переехать к нам в Ефремов и жить вместе, но они сказали, что они там привыкли (там было много немцев-поселенцев). Потом, уже после смерти бабушки, тетя Элла к нам часто приезжала. Моя мама умерла год назад в возрасте 97 лет.

Елена Альтергот

Мама Эрна и тетя Элла

начался падёж скота, для предупреждения которого большинство колхозов сдало его на мясопоставки.

Экономические трудности вызвали в свою очередь «упаднические настроения» у населения, стали наблюдаться «массовые случаи невыхода на работу и невыполнения норм выработки», прекратилась раскорчевка леса под пашни и вспашка зяби.

Принимались административные меры, однако все постановления партийных органов не имели одного главного пункта – заботы о людях. В них ничего не говорилось о том, как обеспечить рыбаков всем необходимым – жильем, одеждой, обувью, продуктами питания, как продуктивнее организовать их труд. Ставка, как всегда, делалась на выполнение плана лю-

бой ценой, даже если эту цену приходилось платить человеческими жизнями. В условиях войны все издержки такой политики можно было списать на чрезвычайные обстоятельства. Проведение экстраординарных мер непосредственно затронуло спецпереселенцев уже в ноябре 1942 г. На нем-

цев, латышей, эстонцев, молдаван, на выходцев из Западной Белоруссии и Западной Украины, переселенных в районы Нарымского округа в 1941–1942 гг., распространили режим, существовавший для трудпоселенцев-кулаков. Решение об этом было принято на бюро обкома ВКП(б) 18 ноября – «О закреплении спецпереселенцев в районах Нарымского округа на постоянное местожительство». Поскольку, говорилось в нем, спецпереселенцы никакими правилами режима при передвижении не ограничены, они, пользуясь безрежимностью,

lichen Beschlüssen und Anordnungen – die Fürsorge für die Menschen. Mit keinem einzigen Wort wurden darin eventuelle Pläne zur Versorgung der Fischer mit Unterkünften, Kleidung, Schuhen und Lebensmitteln erwähnt. Keine Vorschläge zur Optimierung der Arbeitsabläufe waren darin enthalten. Im Mittelpunkt stand wie immer die Erfüllung des Plans um jeden Preis. Auch wenn dieser Preis Menschenleben waren. Im Krieg konnten die Unzuträglichkeiten einer solchen Politik nur zu leicht mit außerordentlichen Umständen gerechtfertigt werden. In aller ersten Linie waren von den Schattenseiten der politischen „Sondermaßnahmen“ die Zwangsumsiedler von 1941–1942 betroffen, darunter Deutsche, Esten, Moldauer, sowie die aus dem Westen Weißrusslands und aus der Westukraine in den Narymskij Bezirk deportierten Völker. All diese Menschen sollten per Beschluss des Gebietskomitees der WKP(B) vom 18. November 1942 „Über den dauerhaften Verbleib der Umgesiedelten mit ihrem festen Wohnsitz im Narymskij Bezirk“ unter das ursprünglich für die Kulaken errichtete Regime fallen. Diese Entscheidung begründete der WKP(B) wie folgt: da die Umgesiedelten bis jetzt an keinen Ort durch einen festen Wohnsitz gebunden waren, zogen sie oft um und bauten sich so keine eigene Existenz auf, sie besaßen weder Häuser noch Höfe, noch landwirtschaftliche Kleinbetriebe. Dieses Verhalten – so der WKP(B) – diente einem einzigen Ziel, keiner dauerhaften Tätigkeit innerhalb einer Bedarfsgemeinschaft nachgehen zu müssen, was nun durch den Beschluss geändert werden sollte.

Ein großer Teil dieser Menschen lebe von „Spekulationen“ und sei eine „große Bürde für die einheimische Bevölkerung des Narymskij Bezirks“. Daher sollten sie nun mehr keine Bewegungsfreiheit innerhalb des Bezirks mehr haben. Streng verboten waren vor allem Umzüge in die Kreise des Gebiets, die nur über knappe Lebensmittelvorräte verfügten. Diese Entscheidung setzte ein deutliches Zeichen für die strikten Regelungen des Regimes, das nun alle Betroffenen endgültig als ein „Sonderkontingent“ abstempelte²⁹.

Überraschenderweise stellten die örtlichen Behörden die größte Hürde bei der Umsetzung des Beschlusses dar. Ohne Rücksicht auf die Inte-

Решение о закреплении спецпереселенцев в районах Нарымского округа положило начало режиму спецпоселений для всех депортированных немцев.

Нина Альтмаер

« Как только раздался набат над рекой,
в скитаниях вечных рождалась та боль
тиранов, диктат неизбежных тревог,
дороги, вагоны, всё дальше – восток...

Покинуть селенья поволжской земли,
где кирхи старинные Волги-реки,
насильно забросить домов очаги,
где души летают, но звуки тихи...

Так предкам назначен судьбы страшный ход:
отобран у деда весь нажитый кров,
там истины нет, там тиран пролил кровь,
народ заклеимил, сочинил приговор.

Не высохли слёзы на наших глазах,
но жизнь всех мёртвых всё дальше в веках
живые продолжают – ведь память с тех пор
эпоха уносит в поволжский простор:
Wolgadeutsch...

Wolgadeutsch...

Wolgadeutsch...

Дедушки и бабушки Нины были выселены в 1941 году из Республики немцев Поволжья в Акмолинскую область, только те, что по материнской линии из села Зельман, а по отцовской – из села Гуссарен Каменского кантона. Сама Нина родилась уже в Казахстане, сегодня живет в Москве. Увлекается составлением генеалогического древа своего рода. «Чем больше я узнаю о своих предках, тем больше их пример жизненной позиции и невероятной силы воли служит мне поддерживающим фундаментом в разных жизненных ситуациях», – признается Нина Михайловна Горпинченко (урожд. Альтмаер).

в местах вселения не закрепляются, никаким хозяйством не обзаводятся, жилья не строят, а многие не хотят заниматься «общественно полезным трудом».

Часть их живет за счет «спекуляции» и является «тяжким бременем для основного населения Нарыма». Отныне свободное передвижение спецпереселенцев по округу запрещалось, в особенности переезд их в районы с ограниченным запасом продовольствия. Это решение положило начало распространению на выселенных из Поволжья немцев режима спецпоселений²².

Однако закреплению спецпереселенцев в местах нового жительства мешали прежде всего действия местных властей, которые, не считаясь с интересами контингента, в течение всего военного времени перебрасывали их из одного района в другой, из одной райкомендатуры в другую, из одного поселка в другой, исходя из «производственных соображений рыбтреста». Именно непрерывные переброски и неотведение усадебной земли под постройки отбивали у поселенцев всякую инициативу к самостоятельному строительству. К тому же выстроенные самостоятельно дома нередко отбирались руководством заводов под служебные и другие надобности.

Именно жилищная проблема оставалась главной для немцев-спецпереселенцев в течение всей первой северной зимы. К 10 декабря 1942 г. из 1381 запланированного к строительству домика было сооружено всего 218 и начато строительство еще 182. Кроме того, силами самих переселенцев удалось соорудить 167 землянок, утеплить и отремонтировать значительную часть общественных зданий, занятых под жилье. Но все новостройки и ремонты считались «неполноценными», ибо сооружались, как правило, без стекла, гвоздей, дверных петель и других металлических изделий, которых катастрофически не хватало, а применявшиеся заменители не отвечали необходимым требованиям. В зимние месяцы

решен der Deportierten siedelte man sie innerhalb des Bezirks je nach „betrieblichen Anforderungen“ des Fischereibetriebsverbandes mehrmals um: aus einem Kreis in einen anderen, aus einem Selsowjet in einen anderen, aus einer Kolchose in eine andere. Genau diese ständigen Umsiedlungen und fehlenden Möglichkeiten eigenes Land zu bekommen, trieben den Menschen jede Initiative aus, sich Häuser zu bauen. Dagegen sprach auch das Risiko, jederzeit durch die Verwaltungen von Fabriken oder Werken gezwungen zu werden, ihnen das erbaute Eigenheim für betriebliche Zwecke zu überlassen.

In ihrem ersten Winter im Narymskij Bezirk gehörte das Wohnproblem zu den größten Sorgen der Deutschen. Von den geplanten 1.381 Häusern wurden zum 10. Dezember 1942 lediglich 218 fertiggestellt und der Bau von weiteren 182 begonnen. Fertig waren auch 167 „Semljanki“, die die Menschen aus eigener Kraft errichteten. Sie isolierten und renovierten außerdem einen großen Teil der öffentlichen Gebäude, in denen sie zu der Zeit untergebracht waren. Doch alle Renovierungen und neu erbauten Unterkünfte wurden als „nicht vollwertig“ betrachtet, denn sie wurden in der Regel ohne Nägel, ohne Fensterglas, ohne Türangeln und ohne sämtliches anderes Baumaterial aus Metall, das an jeder Ecke fehlte, fertiggestellt. Und der verwendete Ersatz entsprach nicht den Anforderungen. Doch – ganz abgesehen vom fehlenden Baumaterial – gab es eine weitere Hürde bei den Bauarbeiten – die Wintermonate, denn für diese Zeit wurden alle arbeitsfähigen Männer zum Eisfischen in den entlegenen Regionen Sibiriens geschickt.

So nahm die Bevölkerungsdichte in allen Regionen, in die die Deutschen deportiert wurden, enorme Ausmaße an. Häuser und Gebäude waren hoffnungslos überfüllt. In den Räumen von einer Fläche von 15 x 18 m² wurden bis zu 17 Menschen untergebracht. Hier waren Dreck, Gestank, Flöhe, und Krankheitserreger treue Begleiter der Bewohner. Bereits in jenem ersten Winter gab es Massenerkrankungen an Flecktyphus (Aleksandrowskij Kreis), Masern, Dysenterie und anderen Infektionskrankheiten (Parabelskij Kreis). Zur Bekämpfung vom Fleckty-

Семья Вагнер

« В селе Бочкарево Черепановского района Новосибирской области, по улице Садовой, на большом участке стоит маленький дом, в котором некогда жила большая дружная семья российских немцев, переселенцев из Поволжья, Ивана и Амалии Вагнер. Поселились семья в этом доме в военное лихолетье. До войны Иван и Амалия с шестью детьми жили в Саратовской области в селе Крабенхайм. Был у них свой дом, огород и живность. Супруги добросовестно трудились в колхозе и детей приучали к труду. Жила семья в мире, согласии и достатке. Но война в одночасье все перечеркнула. Как и сотням российских немцев им пришлось покинуть малую Родину – Рассею, как ласково они называли ее в своих воспоминаниях, и отправиться в далекую Сибирь, которая встретила их тяжкими испытаниями, выпавшими на долю всех народов России: голод, холод, непосильный труд, мор и болезни. Однако немцам пришлось вдвойне тяжелее: непонимание, неприязнь, презрение, иногда и враждебность со стороны местного населения, репрессии. Но, обладая огромным трудолюбием, неистощимым терпением, они начали обустриваться на чужбине: рыли землянки, нанимались к местным жителям на работу за кусок хлеба, перекапывали огороды в поисках оставшегося картофеля. Иван пошел работать трактористом. Амалия и старшие дети тоже стали работать в колхозе. Семья, как и весь народ, несла тяжкое бремя военных лишений. Немцы с трудом, но обвыкались, устраивались на новом месте. Вот и Иван с Амалией смогли перебраться из землянки в настоящую рубленую избу, хоть и маленькую и ветхую, но с окнами, печью, большим участком. Да вот беда, не успел Иван привести свой дом в порядок, как по анонимному допросу его арестовали и осудили на десять лет лишения свободы. У Амалии на руках осталось восемь детей (в Сибири родилось еще два сына) и восемь долгих лет семья боролась за выживание. Днем работали в колхозе, ночью на своем подворье: лопатами вскапывали огород в 30 соток, выращивали овощи, собирали ягоды и коренья, носили вязанками хворост из леса, солому с полей. Как могли, латали свой дом. Во всем чувствовалась твердая рука Амалии. По селу о ней шла молва как о женщине суровой и волевой. Но материнский инстинкт подсказывал: ослабь она хоть на минуту волю,пусти в свое сердце жалость и она может потерять кого-то из своих детей. Амалии удалось уберечь всех. Продрогшие, промокшие, уставшие за день, собирались они в холодные зимние вечера у печки, и, тесно прижавшись друг к другу, слушали сказки бабушки Елизаветы на немецком языке. Дома они могли говорить на родном языке, стены его, хоть и ветхие, защищали не только от холода, но и помогали хранить свою самобытность. А бывало и радость заглядывала в старый домик, когда приходила весточка от Ивана, вселявшая надежду в сердца его обывателей, помогавшая жить дальше. Настоящая радость постучалась в двери дома июньской ночью 53-го – вернулся Иван! Казалось, окна домика сияли так же, как у счастливых домочадцев.

Иван и Амалия Вагнер с детьми. Сравнительно небольшой дом, но с крепкими своими устоями, традициями, взрастил огромное дерево, с большими, сильными корнями, состоящее из 8 детей, 15 внуков, 21 правнука и 8 праправнуков. Каждое лето, все кто может, собираются в родительском доме, хотя родителей давно уже нет в живых.

строительство домов прекратилось совсем, ибо все наличные трудоспособные переселенцы были брошены на лов и обработку рыбы.

В результате переуплотненность всей имеющейся в местах вселения немцев жилищной площади достигала чудовищных размеров. Как правило, в комнатах площадью 15–18 кв. м помещалось до 17 человек. В таких комнатах естественными спутниками жизни становились грязь и вонь, массовая завшивленность и другие источники инфекционных заболеваний. Уже в ту зиму наблюдались вспышки сыпного тифа (в Александровской комендатуре), кори, дизентерии и других заболеваний (Парабельская комендатура). Для борьбы с сыпняком на север зимой выезжала спецбригада окрздравотдела.

Но в еще более катастрофическом положении находились бригады рыбаков, осуществлявшие подледный лов рыбы на участках, отдаленных от населенных пунктов на десятки километров. На подавляющем большинстве таких участков для членов бригад в 12–17 человек вообще отсутствовали какие-либо помещения для отдыха и просушки одежды. Временные землянки, сооруженные самими рыбаками, не имели не только специальных сушилок для мокрой одежды, но и никаких отопительных приборов. В таких примитивных землянках, необорудованных и маломестительных, рыбаки, совершенно оторванные от внешнего мира, пребывали месяцами²³.

Жилищно-бытовые условия спецпереселенцев оставались тяжелыми и в последующие годы. Строгие предписания рыбтресту о принятии «немедленных мер» по их улучшению, периодически исходившие по инициативе УНКВД из ОК ВКП(б), хронически не выполнялись.

В отношении продовольственного снабжения спецпереселенцы, устроенные на работу, приравнивались к правовому населению и должны были получать товары наравне с ним через соответствующие магазины потребительской кооперации и ОРСы

plus wurden in den Norden des Gebiets mitten im sibirischen Winter Mitarbeiter der Bezirksabteilung für Gesundheitswesen kommandiert.

Doch mit viel katastrophaleren Umständen mussten die Fischerbrigaden zu Recht kommen. Sie wurden zum Eisfischen - teilweise zig Kilometer weit weg von der nächsten Ortschaft - zu 12 bis 17 Mann gebracht. Vor Ort fehlte jede Art von Unterbringungsmöglichkeiten, sie hatten nicht mal die Möglichkeit, ihre durchnässten Sachen zu trocknen, geschweige denn sich zu erholen. Ihre notgedrungen errichteten „Semljanki“ verfügten weder über eine Trocknungsgelegenheit noch über irgendwelche Beheizungsgeräte. In diesen primitiven – und dazu engen – Unterkünften mussten die Fischer – abgeschottet von der restlichen Welt - oft Monate lang überwintern³⁰.

Die Wohn- und Lebensverhältnisse der Zwangsumsiedler blieben auch in den darauffolgenden Jahren sehr beschwerlich. Regelmäßige strenge Anweisungen des Bezirkskomitees – angestoßen durch die Verwaltung des NKWD - an den Fischereibetriebsverband, „Sofortmaßnahmen“ zur Verbesserung der Wohn- und Lebenssituation der umgesiedelten Bevölkerung“ zu ergreifen, wurden chronisch nicht beachtet.

Arbeitstätige Übersiedler wurden im Bezug auf Versorgung mit Lebensmitteln der übrigen Bevölkerung gleichgestellt und konnten die ihnen zustehende Ration genauso in den dafür vorgesehenen Läden der jeweiligen Konsumgenossenschaft und der Abteilung für Arbeiterversorgung ausgeteilt bekommen. In den Betrieben, deren Leiter vernünftig wirtschafteten, gab es eine ziemlich zufriedenstellende Versorgung mit Brot: der Arbeiter selbst bekam 800 g und jeder seiner nicht erwerbstätigen Familienmitglieder - 400 g. Fischer bekamen Mehl, Zucker, Pflanzenöl und andere Lebensmittel ausgeteilt. Nicht ganz so gut sah es bei der Versorgung mit Salz und Industriewaren aus. Salz wurde mit großen Unregelmäßigkeiten geliefert, und Industriewaren bekamen die Deutschen überhaupt nicht. Zu dieser Zeit hatten die meisten von ihnen ihre Kleider gänzlich aufgetragen, und da sie keine andere Bekleidung, Unterwäsche oder Schuhe besaßen, konnten sie nur in geschlossenen Räumen arbeiten.

предприятий. На тех предприятиях, где действовало рачительное начальство, было налажено довольно сносное снабжение хлебом (до 800 граммов на работающего и 400 граммов на иждивенца). Рыбакам выдавались мука, сахар, растительное масло, другие продукты. Хуже обстояло дело со снабжением солью, промышленными товарами. Соль поступала с большими перебоями, а промышленных товаров немцы не получали вообще. К тому времени большинство переселенцев совершенно обносились, не имели ни одежды, ни обуви, нательного белья и не могли работать вне помещения.

Невозможность для трудоспособных выходить на работу вне помещения лишала семьи последней надежды на кусок хлеба и обрекала их немощных членов на нищенство и голодную смерть. Положение усугублялось постоянными задержками заработной платы, к которым прибегали рыбозаводы, задерживая денежные выплаты рыбакам на 2–3 месяца, а в глубинных пунктах и более. В условиях полного отсутствия денежной массы широкое распространение получили заменители денег – металлические пуговицы. Особенно тяжелым был 1943 г., когда в ряде мест невыплаты зарплаты достигли 5 и даже 8 месяцев. Смерть от голода стариков, больных, нетрудоспособных женщин и детей стала в конце 1943 – начале 1944 г. нормой жизни.

Условия, в которых жили и трудились спецпереселенцы, не способствовали росту производительности труда, которая, по подсчетам Главрыбпрома, составила в 1943 г. только 59,8 %. Невыполнение норм выработки, в свою очередь, вело к снижению заработной платы и норм обеспечения хлебом. У большинства она составляла всего от 50 до 140 руб. в месяц, а хлебный паек сократился до 200–400 граммов на работающего и 200 граммов (в лучшем случае) на иждивенца²⁴.

В апреле 1943 г. Управление НКВД по Новосибирской области, реагируя на очередной запрос начальника ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР Жилова о том, изменились ли жилищно-бытовые

Die Tatsache, dass arbeitsfähige Familienmitglieder auf Grund fehlender Kleidung nicht zur Arbeit gehen konnten raubte den Familien jede Hoffnung auf ein Stück Brot und verurteilte ihre erschöpften Mitglieder zur Armut und zum Hungertod. Erschwert wurde diese Situation auch durch ständige Verspätungen bei den Lohnauszahlungen. Fischverarbeitungsfabriken hielten teilweise 2-3 Monate lang die Löhne der Fischer zurück. In etwas entlegeneren Orten – auch länger. Da das Geld an jeder Ecke fehlte, wurde bald ein Ersatz dafür gefunden: Kleidungsknöpfe aus Metall. Besonders hart war das Jahr 1943, als Lohnverspätungen mancherorts 5-8 Monate andauerten. An Hungersnot sterbende Alte, Kranke, nicht erwerbsfähige Frauen und Kinder gehörten in den Jahren 1943 – 1944 zum Alltag.

Die Wohn- und Arbeitsbedingungen der Deutschen trugen eindeutig nicht zur Leistungssteigerung bei. Im Jahre 1943 lag die Arbeitsleistung bei lediglich 59,8% - rechnete die Hauptverwaltung der Fischindustrie aus. Dadurch wurden die festgesetzten Normen nicht erfüllt, dies wiederum führte zu Lohnkürzungen und zu erheblichen Kürzungen bei der Versorgung mit Brot. Während die Löhne bei den meisten nur noch 50 – 140 Rubel pro Monat betragen, wurde auch die Brotration auf 200-400 g für Erwerbstätige und auf – bestenfalls – 200 g für ihre nicht erwerbstätigen Angehörigen³¹.

Im April 1943 erkundigte sich veningest Leiter der Abteilung „für Arbeiter- und Sondersiedlungen“ der Verwaltung der GULAG³² des NKWD Schilow erneut, ob sich an den Wohn- und Lebensverhältnissen sowie an der Lebensmittelversorgung der in der Fischindustrie tätigen deutschen Arbeiter etwas geändert habe. Aus der Verwaltung des NKWD des Nowosibirsker Gebiets berichtete man daraufhin, die Umstände seien unverändert geblieben. Kurz danach wurde des Vorsitzender des Fischereibetriebsverbandes Kotelnikow durch die Verwaltung des NKWD vor möglichen Sanktionen gewarnt, die aus diesem Briefwechsel resultieren könnten. Zum Beispiel eine Zwangsversetzung aller deutschen Arbeiter in die Betriebe der Kriegsindustrie³³. Ohne diese Sanktionen abzuwarten, begannen die Fischereibetriebe mit betriebsbedingten Massentlas-

условия и продовольственное снабжение работающих в рыбной промышленности спецпереселенцев, констатировало отсутствие улучшений и предупредило управляющего рыбтрестом Котельникова о возможных санкциях – снятии их с рыбных промыслов и передаче оборонным предприятиям²⁵. Не дожидаясь этих санкций, предприятия рыбтреста, ссылаясь на резкое сокращение лимитов на продовольствие для спецпереселенцев со стороны Главзапсибпрома, начали массовое увольнение спецконтингента. В ноябре 1943 г. Молчановский рыбозавод уволил с работы и снял со снабжения 778 рабочих и их иждивенцев, Кривошеинский завод уволил 200 человек, Колпашевский – 224. Увольнения продолжались и в декабре-январе. Эти меры резко ухудшили ситуацию, ибо только незначительной, наиболее здоровой части уволенных удалось трудоустроиться в разных организациях. Подавляющее же большинство женщин, обремененных малолетними детьми и не имеющих одежды и обуви, остались без всяких средств к существованию.

Летом 1944 г. управление НКВД исполнило свою угрозу. Часть спецконтингента, вконец обнищавшего, была вывезена из районов Нарымского округа (теперь уже бывшего) и передана оборонным заводам города Новосибирска. 295 семей (765 чел.) поступили на комбинат № 179 в июне, а в ноябре вместе с зоной, где их разместили, переданы заводу № 65. Как явствует из справки, составленной на имя секретаря ОК ВКП(б) комиссией из представителей УНКВД, облсанинспекции и отдела промышленности ОК, большинство прибывших страдало тяжкими болезнями (открытой формой туберкулеза, послетифозным параличом ног, дистрофией и т.п.). Только в течение трех месяцев, с декабря по конец февраля, от болезней в непригодных для жилья бараках умерло 56 человек²⁶.

Таковы были печальные итоги повторных депортаций людей, виновных лишь в принадлежности к «не той» национальности.

сungen der Deutschen. Begründet hatte man die Aktion mit angeblichen unerwarteten, drastischen Kürzungen der Verpflegung für die deutschen Arbeiter seitens der Hauptverwaltung der Ostsibirischen Industrie. Im November 1943 fanden auf diese Weise auch in der Fischverarbeitungs-fabrik von Moltschanowo Massenentlassungen statt. So konnten weitere 778 deutsche Arbeiter und ihre Angehörigen von den Versorgungslisten gestrichen werden. In der Fischfabrik von Kriwoscheino gab es 200 Entlassungen, in der Fabrik von Kolpaschewo – 224. Weitere Entlassungen folgten auch im Dezember und im Januar. Diese Maßnahmen verschlechterten die Lage der Menschen erheblich. Nur wenige konnten danach eine neue Arbeit finden, die meisten jedoch, wie Frauen, die kleine Kinder beaufsichtigen mussten und keine Schuhe und Kleidung hatten, wurden jeglicher Existenzgrundlage beraubt.

Im Sommer 1944 machte die Verwaltung des NKWD ihre Drohungen wahr. Ein Teil der mittlerweile völlig verarmten Zwangsumsiedler wurde aus der Region des – zu der Zeit schon ehemaligen - Narymskij Bezirks nach Nowosibirsk gebracht, wo auf die Menschen ein Einsatz in den Betrieben der Kriegsindustrie wartete. 295 Familien mit insgesamt 765 Menschen kamen im Juni 1944 im Kombinat Nr.179 unter, und bereits im November wurden sie samt der Baracken, in denen sie untergebracht waren, dem Werk Nr. 65 übergeben. Die aus den Vertretern der Verwaltung des NKWD, der Gesundheitsaufsichtsbehörde des Gebiets, und der Abteilung „für Industriewesen“ des Bezirkskomitees einberufene Kommission beschrieb in einem Zwischenbericht an den Sekretär des Bezirkskomitees der WKP(B) den gesundheitlichen Zustand der Menschen als äußerst besorgniserregend: die meisten litten an solch schweren Krankheiten wie offener Tuberkulose, Beinlähmungen als Folge von Typhus, Dystrophie u.ä. Alleine in den 3 Monaten von Dezember bis Ende Februar starben in den zum Wohnen im Grunde ungeeigneten Baracken 56 Menschen³⁴.

So gestalteten sich die traurigen Schicksale der wiederholt deportierten Menschen, deren einziges Vergehen in ihrer Zugehörigkeit der „falschen“ Nationalität bestand.

Стахановка-дойрка
Е.Н. Эйдемиллер с фермы
колхоза «Роте Фане»
Пригородного района.
Март 1936 г.
Из фондов ЦГАКФФД СПб.

Семья Эйдемиллер

Бывший стахановец из колхоза «Роте Фане» (Стрельнинская колония), коммунист Петр Адамович Эйдемиллер, как и многие другие односельчане, в годы войны оказался в Германии, работал у фермера. Он решительно отказался от предложения местного немца остаться в Германии, получить землю, жилье. Война закончилась, и он рвался домой, на родину. Однако родина сурово встречала тех, кто по разным причинам оказался в Германии. Семья Эйдемиллера была направлена на спецпоселение и с 1945 по 1981 г. проживала на ст. Юрга в Кемеровской области, там же Петр Адамович и похоронен.

Фрагмент мемориального комплекса
«Жертвам войны».

На металлической пластине
выгравированы имена членов семьи
Эйдемиллер, репатриированной в 1945 г.
и отправленной на спецпоселение
на станцию Юрга Кемеровской области.
В конце 1940-х гг. немцев в городке
было так много, что начальные классы
в школе № 4 Юрги на 90 % состояли из
немецких детей. В 2000 г. на месте бывшего
немецкого кладбища по инициативе Йозефа
Церра был открыт мемориал.

